

Сергей Раткевич

ПОКРЫВАЛО НОЧИ

Сергей Раткевич
Покрывало ночи
Серия «Два цвета вечности», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122950
ISBN 978-5-516-00046-1

Аннотация

Человек – совершенно сумасшедшее существо: смертен, всеяден и глуп, – сказал однажды древний посох Анга Каум Да Эгинай Гох Туренар Лекле Лорма Мур Шуех Арамбур своему приятелю великому магу Курту. Ответ великого мага история не сохранила по причине его абсолютной нецензурности.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Сергей Раткевич

Покрывало ночи

– Человек – совершенно сумасшедшее существо: смертен, всеяден и глуп, – сказал однажды древний посох Анга Каум Да Эгинай Гох Туренар Лекле Лорма Мур Шуех Арамбур своему другу великому магу Курту. Ответ великого мага история не сохранила по причине его абсолютной нецензурности.

Пролог

Если после долгих странствий и поисков удача, наконец, улыбнулась тебе – оглянись на всякий случай: вдруг смотрит кто недобрым взглядом?

Если вокруг твоей жизни ошиваются некие злоеущие маги, заволакивая все вокруг смутным туманом – оглянись еще раз: вдруг заметишь что-то, что пропустил в первый?

Ну, а если ты хоть раз слышал, как под тяжелыми шагами неведомого мягко прогибается мир – оглянись трижды: мало ли что?

И если тебе повезет и никакая злокозненная мерзость не собирается незамедлительно тобой полакомиться – тогда вперед! Дуй, что есть духу, приятель! Хватай свою удачу в охап-

ку! Хватай и тащи подальше отсюда! И не смотри, что брыкается. Это ее проблемы. Пей ее полными пригоршнями – тебе повезло, парень. Так тоже бывает.

Ничего этого Курт не знал. Судьба заботливо хранила его от мудрых советов. Потому, собственно, и жив остался...

Оглянись он трижды – ни черта бы не заметил. Рвани к воротам крепости – тут ему и конец. Соврал ведь Зикер. Черные Маги – они такие. Им или убивать, или мучить кого – ну, или хоть соврать, на худой конец. Против натуры не попрешь, знаете ли...

Но Курт никуда не рванул. Во-первых, Мур не велел. Он посох, ему видней. Он тут у себя дома, в конце концов. А, во-вторых, судьба хранила Курта для чего-то иного, и у судьбы было весьма ехидное настроение. Кое-что ее безмерно раздражало. Например – Зикер. Ишь, мерзавец, с судьбой он поспорить вздумал! А вот не советую! Да еще по дури своей человеческой такого парня угробить решился. Крепость – ладно, мало ли крепостей в Джанхаре? Новую отстроят. А вот такого славного, такого ладного страшилища, как Курт, земля давно не носила. Куртами просто так не разбрасываются! И ты, Зикер, мне не раз еще в ножки поклонись, что парень в живых остался. Тебе же первому и пригодится. Или... не первому... а... третьему. Да. Второму или третьему. Пока так, а там посмотрим. Крутись куда сам. Надо же наказать тебя за наглое желание со мной поспорить. Тоже мне – спорщик выискался!

Нахмурясь, судьба рассматривала одинокого странника, терпеливо стоящего у стен джанхарской сторожевой крепости.

Ждет, бедолага.

Ну, хитрец Зикер! Ну, мерзавец! Стоит Курту лишь соприкоснуться с любой стационарной крепостной защитой, как от него и от несчастной крепости вместе со всеми ее доблестными защитниками одни щепки останутся. Или клочья. Или что там остается от крепостей? Запомняла.

А Зикер, конечно, молодцом! Выиграет несуществующую битву. В одиночку выиграет! Уничтожит несокрушимую джанхарскую твердыню вместе с немалым гарнизоном. Освободится от – ему кажется, что опасного – Курта. И вообще – герой. Ну, нет уж!

У судьбы были свои планы относительно Курта в частности и войны в целом – а вот желания так упрощать игру у нее не было. Зикер решил поспорить с судьбой? Спорили тут всякие! Давно пора понять, что с судьбой спорят только мошенники и идиоты. Этот старый пень считает себя мошенником? Ох, напрасно! Судьба торопливо порылась в карманах, где среди медяков, пуговиц, крошек табака, тюбиков помады, стреляных гильз, каштанов, литературных шедевров и сушеных ящериц завалилось то самое, нужное... ах, вот ты где! Еще и упирается! Брыкаться вздумал. Это, между прочим, твой единственный шанс, идиот! Бог ты или кто?! Ах, Бог? Да еще и Всезнающий? Вот как? Тогда стряхни с се-

бя весь этот мусор. Стряхнул? Молодец. Нет, пирожок пока не получишь. Заработай сперва. Вон туда смотри. Видишь этого? Он тебя обидел. Как это – когда? Склеротик. Вечно вы, Всезнающие, ничего не помните. Все знаю, но забыл, да? Ладно. Короче, дело было так...

Быстренько оттарабанив историю оскорбления Куртом личности Всезнающего, Судьба решительно выпихнула всезнающую личность Курту навстречу.

– Иди и разрази!

А сама подменила раздражающее заклинание другим. Вот такая она загадочная. Судьба, одним словом. Сказал бы – каким, но разве ж это слово напечатают?

В общем, кто его знает, так оно было или как-то иначе – а только Всезнающий оказался рядом с Куртом, вооруженный заклинанием, которое он, по своей божественной наивности, действительно считал смертоносным.

Курт стоял, терпеливо ожидая, когда же, наконец, ворота крепости откроются, и кто-нибудь впустит их с Муром вовнутрь. По умиротворенному бормотанию посоха Курт догадывался, что все наконец-то идет как полагается.

– Стоишь? – раздался почти над самым ухом резкий неприятный голос.

Ну, надо же!

Курт аж подскочил от неожиданности. В животе нехорошо заныло. Рядом с ним возник неприятного вида человек, судя по выражению лица – явный маг. С трудом взяв се-

бя в руки («Это же Джанхар. Джанхар. Здесь не может быть никаких врагов»), он ответил.

– Стою, – произнес Курт, стараясь ничем не выказать охватившей его паники.

«А что, если Джанхар – это совсем не так хорошо, как показалось? И кто сказал, что это и вправду Джанхар? А если даже и Джанхар – кто сказал что этот злобный старикашка действительно имеет отношение к Джанхару? И ведь где-то я его видел... вот только где?»

– Ждешь? – неприязненно поинтересовался незнакомец и зачем-то сунул руку в карман.

– Жду, – ответил Курт, окончательно понимая, что происходит что-то скверное.

Беспокойно встрепенулся замечтавшийся Мур – но было поздно.

– Можешь больше не ждать! – с явной злобой проговорил незнакомец и достал из кармана некую омерзительно мерцающую субстанцию.

– Почему? – холодеющими от ужаса губами прошептал Курт.

– Потому что уже дождался, – объявил незнакомец, швыряя субстанцию в Курта. – Нечего было оскорблять меня, Всезнающего Бога.

– Мур! – взвыл Курт, пытаясь уклониться – но заклятье уже размазалось по его физиономии.

Еще миг – и он пропал.

– Странно... – пробормотал Всезнающий. – Его должно было разразить, а он просто куда-то исчез. Странно... Однако, я победил... этого! Отомстил. Да!

Еще несколько долгих, бесконечно сладостных мгновений Всезнающий стоял, гордо озирая окрестности. Чувствовать себя сильным, победительным, могучим – такое приятное занятие! Потом кусты позади него затрещали, и он испуганно обернулся.

Из кустов высунулось что-то настолько страшное, что Всезнающий задрожал и съежился. Нечто подошло к нему, безглаголиво подняло двумя пальцами, установило тыльной частью к себе, а потом выдало такого хорошего пинка, что... кажется, он и в самом деле проломил небесную твердь. Возможно, именно отсюда и берут свое начало сквозняки и прочие простудные заболевания. Впрочем, легенды всегда немного привирают. Возможно, про небесную твердь – это просто выдумки несознательных менестрелей...

И тут, наконец, ворота крепости отворились, и сам Командующий, со свитой дружинников выехал поприветствовать Великого Мага, так внезапно посетившего вверенную его попечению сторожевую крепость Рилэйн. Каково же было его удивление, когда никакого мага – ни белого ни черного – он не обнаружил, а магическая защита померцала еще немного, да и уснула.

Впрочем, непродолжительные изыскания по части магических и обыкновенных следов привели Командующего и

его людей к выводу что маг все-таки был, причем именно великий, и даже не один, а с каким – то Богом, да притом у мага был джанхарский посох. А кроме того, был еще... кто-то. Кто именно, понять не удалось. Но очень сильный. Очень. А вот куда они все делись...

Командующий приказал на всякий случай удвоить посты, а постам – утроить бдительность. А что ему еще оставалось?

Так он никогда и не узнал, что же произошло у самых границ охраняемой им территории. Не узнал, потому что Судьба этого не захотела. Ну вот не входило в ее расчеты уведомлять всяких там командующих...

Часть 1

Курта несло куда-то со страшной скоростью. Только ветер ревел в ушах, да пятна света мешались с пятнами тьмы. Его вертело, болтало и подбрасывало. Вокруг не было ничего, что имело бы название, не было ни верха ни низа – и уж какие там стороны! Как в последнюю надежду на спасение, Курт вцепился в свой посох – единственное, что у него осталось из того, что было. Последняя щепка реального Мира. Утопающий хватается за соломинку? Попробуй тут не схватиться, когда вокруг вообще ничего нет.

Скоро Курту перестало казаться, что его куда-то несет. Он просто висел в неизмеримой, неназываемой бездне, и равнодушный ветер тяжело трепал его тело.

Впрочем, нет. Он все же двигался. Неведомая стихия порожденная брошенным заклятьем исправно делала свое дело. Волокла со страшной силой. Волокла, волокла и...

Внезапно Курт со всей дури врезался во что-то твердое и при этом весьма основательное. Тут бы ему и конец. На такой скорости даже в стог сена лучше не падать. Но ему повезло. Его собственная магическая сила, до сих пор гнусно дремавшая или даже шлявшаяся непонятно где, неведомо с кем, вдруг пробудилась – и за миг до удара, окутала его тело тонким слоем защитной магии.

Все равно чертовски больно.

Если в вас когда-нибудь швыряли ежа, проглотившего утюг вы знаете как это бывает. А если нет – значит вам повезло. От всей души желаю вам продолжать оставаться в неведенье и дальше. Слишком уж травматичное знание.

Итак, невероятная сила швырнула Курта на нечто неразличимое в темноте, после чего это самое неразличимое качнулось и с грохотом куда-то рухнуло, а Курт шлепнулся на гладкий и ровный камень. Шлепнулся, словно старый дорожный мешок, пустой и прокисший от дождя пополам с грязью. Защитив своего владельца, магическая сила опять ушла – и Курту почудилось, что вместе с ней из него ушел весь воздух, как из старого продранного мяча. Самому себе он казался жалкой никчемной тряпицей. Впрочем, в дрожащих руках этой «тряпицы» по-прежнему находился боевой посох королевства Джанхар... так что... может, еще не все потеряно?

Курт застонал и попытался сесть.

Наконец ему это удалось. Он сел, скрестив ноги, и положил посох на колени.

– Джанхар!!! – душераздирающе простонал посох.

– Джанхар... – как эхо повторил Курт.

– Мы же почти дошли!!! – чуть не плакал Мур.

– Почти... – выдохнул Курт.

– Будь прокляты все мелкие Боги вместе и по отдельности!!! – стонал Мур. – И почему у меня нет рук?!!

– Рук?! – устало удивился Курт.

– Рук! – восклицал посох. – Я бы их заламывал! А еще

ног! Я бы ими топал...

Спать.

Спать хотелось так отчаянно, что Курту было почти наплевать на вопли Мура. Этот невиданный перелет его полностью вымотал. Таких усталых людей просто не бывает. Даже если они маги – не бывает.

Спать.

– Послушай, Мур, можно я потом все это сделаю? – зевая, спросил он. – Позаламываю ноги, потопаю руками, могу даже ушами помахать, если хочешь – но потом, ладно? Завтра...

Курт уснул внезапно. Уснул посреди фразы. Уснул, где сидел. На том же месте, в полной темноте, на холодном гладком камне, так и не разобрав, где именно он находится. Уснул сидя, положив посох на колени.

Спать.

Где-то в глубине души скреблось некое несчастное существо, заявляющее, что оно хочет кушать. Очень хочет. И пить тоже.

Курт не обратил внимания на его жалобы. Мало ли чего оно там себе хочет? А вот ему спать хочется. Такой усталый человек просто не может хотеть есть. Он несовместим с едой.

Курт уснул под многоцветные проклятия Мура, достававшиеся всем Богам без разбору. Однако Боги ему не снились. Ему снилось, что он спит – и это было прекрасно.

Курт проснулся от скрипа открываемой двери.

– Большая дверь завсегда громко скрипит, – со вздохом заметил дребезжащий старческий голос.

– Ахар опять петли не смазал, – поддакнул другой. – Праздник же! Совсем обленился...

– Он и дверь не запер, – опять вздохнул первый. – Вон замок-то валяется.

– Пьяница проклятый! – прогундосил третий голос. – Ну-ка, братцы, потянем! Сейчас она у нас как миленькая...

Дверь со скрипом отворилась, и на Курта хлынул яркий поток света. В потоке света купались три невзрачные скрюченные фигуры. словно небрежные письма, торопливой скорописью да чернилами дешевыми оставленные на дорожкой белоснежной бумаге.

Курт сощурился, и несчастные закорючки превратились во вполне представительных, хоть и бедно одетых стариков. Старики нерешительно топтались на пороге.

– Ну что, идем? – спросил один из них.

– Погоди, – отозвался другой. – Постоим еще немного.

– Ну, не пьяницу же этого ждать?! – возмутился первый.

– Жрец все-таки... – гнусаво вздохнул третий, переминаясь с ноги на ногу.

– Пьяница! – воскликнул первый.

– Оно конечно. – согласился третий. – Кто спорит? А только, в храм это... так сказать, без воли жреца... как-то оно...

– И я о том же. – проговорил второй. – Нескладно выходит.

«Ага, значит, я в храме», – понял Курт. – «Везет же мне на всяких жрецов.»

– Ну?! Куда лезете, богохульники?! – прорезался новый голос.

Еще одна закорючка легла на яркий солнечный квадрат распахнутой двери. Она выглядела куда ярче и неопрятнее остальных.

«А вот и жрец, собственной персоной!» – подумал Курт.

– Так что... как бы... службу начинать следует! – виновато, но настойчиво проговорил второй старикашка.

– Службу! – прогудел третий. – Праздник же!

– А ты проспаться не можешь! – ядовито добавил первый. – Жрец называется! Храм нараспашку! Сам – невесть где! Приходи, чужой человек, бери что хочешь! Так, оно ведь, – страшно подумать! – и Самого украсть могут!

«Чужой человек – это про меня, что ли?» – испуганно подумал Курт. – «Ведь примут за вора, и нипочем не докажешь, что это не так. Что я им скажу? Как я здесь оказался? Кто мне поверит? Какие там чудеса, если дверь открыта! Черти бы побрали этого растяпу жреца!»

– Ну... как е-э – есть... богохульники... – жрец отчаянно старался подавить зевоту, но у него это плохо выходило. – Я... можно сказать... в ночных бдениях... только о вас... паразиты... и думаю!... так сказать... молюсь, значит, а вы чего?! Ох... Ну – проспал малость! Так вы что?! Хотите, чтоб я совсем не спал? Так ведь и Боги спят. И святым сон потре-

бен. Вот... а я, увы, – обычный грешник, в силу своей малой учености над вами, неучами, поставленный...

Жрец зевнул так отчаянно, что Курт подумал, что он сейчас проглотит свой храм.

– Идите отсюда! – приказал жрец старикам.

– Но... как же?! – в три голоса возмутились они. – Ведь праздник же!!! И...

– Через час! – отрезал жрец. – Нам с Богом видней, когда праздновать! Через час всех собирайте – и ко мне. Будет вам праздничная молитва, олухи!

Курт подумал о том что и ему бы неплохо как-нибудь выскользнуть из храма, пока его и в самом деле не обвинили в какой-нибудь краже, богохульстве, а то и в чем похуже. Как-нибудь! Хорошо сказано. А как?! Тело словно деревянное. Курт боялся пошевелинуться, чувствуя, что вот-вот упадет с того постамента, на котором сидит. Постамент, конечно невысок, но грохоту, пожалуй, не оберешься.

Жрец еще что-то крикнул вслед уходящим старикам, а потом решительно шагнул навстречу Курту и захлопнул за собой дверь.

Помещение погрузилось во тьму.

Бежать?

Если да – то сейчас. Тихонько встать и спуститься. Спрятаться за постамент, а потом к двери. Жрец не догонит. Не должен.

Курт уже приподнялся, собираясь претворить в жизнь

свой замечательный план, но тут жрец затеплил огонь в небольшом светильнике.

Курт остался сидеть. Его как гвоздями пригвоздило. Никакой магии в пламени светильника, конечно, не было, но странная нерешительность – кто знает, какой природы? – очень странная нерешительность сковала усталое тело. Курт так и не встал, молча глядя на подходящего к нему жреца, с ужасом ожидая того, что сейчас неминуемо произойдет. Однако жрец подходил к нему вполне спокойно, не выказывая ни удивления, ни агрессии. Он смотрел на Курта, как на предмет обстановки, ничем не отличающийся от прочих. Шаг. Еще шаг. Ближе. Еще ближе. Жрец ужасающе зевнул и вдруг подмигнул Курту.

– Сидишь, дурень? – спросил он.

Курт не знал, что и думать. Уж тем более он не знал, что говорить. Поэтому он молчал. Молчал и смотрел на приближающегося жреца.

Быть может, в пламени светильника все же что-то было... такое?

Курт смотрел на жреца, и на лице его медленно проступала самая что ни на есть дебильная улыбочка. Жрец был сонный, помятый, совсем не страшный.

«И чего я так перепугался?»

– Все улыбаешься? – спросил жрец. – Взял бы хоть раз язык показал, что ли. Ну, ничего. Сейчас мы с тобой опохмелимся малость и приступим к службе.

Жрец повернулся и, покачиваясь, побрел в дальний угол храма.

«Интересно, за кого он меня принимает?» – вяло подумал Курт. – «Что не за вора – это точно. А может, я еще сплю?»

Жрец вернулся с бутылкой вина и вареным куриным яйцом. И тотчас Курт вспомнил, что он хочет пить и есть. Что он убить готов за глоток воды и кусок хлеба.

– Ну... с праздничком тебя, каменюка! – зевая, возгласил жрец и с размаху треснул Курта яйцом по лбу.

Курт аж моргнул от неожиданности. Хорошо, хоть не завопил.

– Моргаешь, – осуждающе заметил жрец и глотнул вина. – Интересно, почему мне с похмелья всегда кажется, что ты моргаешь? Статуи не должны моргать. Это запрещено.

Он еще раз глотнул вина и, поставив бутылку рядом с Куртом, сноровисто ободрал скорлупу с яйца. Курт ничего не мог с собой поделать.

Пить. Есть. Сейчас.

Он ухватил бутылку и сделал один огромный, оглушающий глоток. Жрец уставился на него в немом ужасе, так и не донеся до рта руку с яйцом. Развеселившись, Курт подмигнул перепуганному жрецу, и тот испуганно мигнул в ответ.

– Моргаешь, – в тон ему заявил Курт. – Жрецы не должны моргать. Это запрещено.

Отобрав у жреца яйцо, Курт отправил его себе в рот. Жрец судорожно потряс головой, сделал несколько невер-

ных шагов в сторону и мягко упал на пол.

– Обморок, – заметил Мур.

– Что это он тут нес? – спросил Курт. – За кого он меня принял?

– А ты еще не понял? – удивился Мур. – Ну, ты даешь!

– Я знаю, что я тупой. Дальше! – усмехнулся Курт.

Но Мур не успел ничего сказать, потому что двери храма распахнулись, и плотный поток верующих, по большей части старичков и старушек, медленно и торжественно втек вовнутрь. Едва войдя, они запели. Хор был тихим, но слаженным, и пламя светильника плавно плясало в такт песне.

Поющие смотрели на Курта со странной смесью требовательности и надежды, ясно светившейся в добрых усталых глазах. Курт бы содрогнулся от столь неожиданного пристального внимания, но что-то внутри него предпочло этого не делать. Поэтому он просто сидел, глядя на то, как медленно и чинно опускаются на колени поющие старики и старушки, как, продолжая петь, они кланяются ему, как пляшет огонь светильника, придавая всему происходящему волшебный и трогательный вид.

«Словно картинка из старой сказки», – подумал Курт.

Пение окончилось. Взгляды остались.

Взгляды, полные требовательной надежды.

Курт все еще держал в руке бутылку с вином, но, кажется, этого никто не замечал, хотя он мог бы поклясться – все взгляды были устремлены именно на него.

Я где-то не там сижу.

Настала такая тишина, что, казалось, из нее можно сделать подушку. Такой толстой и мягкой тишины Курт еще не слыхивал.

Старички и старушки смущенно переминались с колена на колено. Переглядывались. Словно бы ждали чего-то.

Курт догадывался, чего они ждут.

Жрец.

Осторожно скосив глаза, Курт убедился, что тот все еще находится в обмороке, если только не уснул. Густая тень небрежно скрывала его от посторонних взглядов.

«Он еще долго там проваляется, пока его обнаружат». – с тревогой подумал Курт.

– Жрец, паскуда! – негромко произнес кто-то – кажется, тот, первый старичок, что так героически боролся с тяжелой храмовой дверью.

– Ты что, богохульник мелешь?! – тут же накинудись на него две бойкие старушки, стоявшие на коленях неподалеку от него. – Ругаться в Храме! Да еще и в разгар праздничной службы!

– Быстренько проси прощения у Боженьки! – внушительно добавила третья.

Из всего сказанного вконец ошалевший Курт только и уяснил, что он не просто сидит во храме, а что сейчас здесь будут молиться какому-то боженьке... а он тут – посреди праздника, посреди молитвы, посреди чужой надежды и ве-

ры расселся, да еще с бутылкой в руке... ой, как нехорошо-то... и уйти никаких сил нет, да и куда уйдешь – они же вокруг... и дар речи куда-то потерялся, а даже если б и нашелся – ну что тут скажешь? Вот честное слово, лучше б его вражеские маги окружали! С врагами, оно проще. А что тут сделаешь?

– Быстренько проси прощения у Боженьки! – с нажимом повторила старушка.

– Так ведь я к тому сказал, что нет его, жреца то есть... – растерянно пролепетал старичок. – Жрец, значит, виноватый выходит, а не я... вот...

– Ты виноват про то, что ругань учинил, а жреца вообще гнать мокрой тряпкой. Ничего. Без него справимся, – решительно заявила старушка. – В старое время справлялись и сейчас справимся. Тоже мне... ученый человек.

Она тряхнула головой и встала.

– Внемли мне, добрый и милостивый Отец Наш Сиген! Протяни руку помощи своим усталым детям!

Говоря эти слова, она устремила на Курта огненный взор, простирая руки ему навстречу. Остальные последовали ее примеру. Горящие надеждой взгляды, протянутые руки – все было обращено к нему.

Вот теперь Курт уже не мог надеяться, что его не замечают. Еще как замечают! Уж если кого и замечают, то его. Да он здесь главное действующее лицо, не иначе! Точней, главное бездействующее лицо – он-то как раз ничего не делает!

Точней – не делал. Не нужно было, вот и не делал. А теперь, похоже, придется. Потому что теперь они все от него чего-то хотят. А значит, сбежать потихоньку уже не выйдет. Как тут сбежишь, когда на тебя во столько глаз смотрят? Нужно что-то сказать. Они ведь ждут. Сказать. Как они его там называли? «Отец Наш Сиген». Интересно, кто такой этот самый «Отец» и где он, черти его задери, шляется? Исполняй тут неизвестно за кого непонятно какие обязанности!

Нужно им объяснить. Обязательно нужно. Вот сейчас встану и объясню. Объясню, что ошибка вышла. Чудовищная ошибка. И я никого не хотел оскорбить. Никого. Просто...

Курт решительно прыгнул с пьедестала. Протянул руку в сторону коленопреклоненных старичков и старушек, откашлялся и сказал:

– Э-э-э... как бы это сказать... дело в том, что я... меня зовут...

Курт хотел сказать, что его зовут вовсе не Сиген, что он оказался тут совершенно случайно и что произошла ошибка, но толпа дружно ахнула и как по команде закатила глаза.

– Воплощение! – сухим ветром прошелестело по рядам верующих. – Отец Наш Сиген воплотился! Услышаны мольбы наши!

Курт в ужасе потряс головой.

Нет.

Не может быть.

Это слишком ужасно.

Пусть мне лучше на голову свалится маг. Или даже два. Или целый выводок магов. Пусть на меня лучше дракон нагадит. Пусть...

И ведь я не посмею их разочаровать!

– Достукался? – ехидно поинтересовался Мур. – Ну, и?.. как самочувствие, «боженька»?

– Я тебе набалдашник оторву, – мрачно пообещал Курт.

А вокруг гремело многолюдное – и когда оно только успело стать многолюдным? – радостное торжество верующих в Отца Нашего Сигена.

– Воплощение! – пели они. – Воплощение! Наш Бог пришел к нам! Наши мольбы услышаны!

Они вскочили на ноги. Они плясали и пели. Мотив был тот же самый. А вот ритм поменялся. Строгий негромкий хор сменили почти карнавальные распевы. Почтенный возраст, казалось, совершенно не тяготил танцующих. Они веселились, как дети, радуясь воплощению своего Бога.

Двери храма то и дело распахивались. Все новые и новые прихожане спешили в храм. Видно весть о воплощении разнеслась подобно пожару в сухой степи при сильном ветре.

– Кто такой Сиген? – наклонившись к посоху спросил Курт.

– Бог Повседневных Мелочей, – ответил тот. – Сейчас эти люди напляшутся и забросят тебя просьбами.

– Просьбами?

– Будешь чинить им заборы, склеивать разбитые горшки, ковать коней, точить серпы, рвать зубы и лечить коз.

– Но... я не умею лечить коз! – растерялся Курт.

– Да... тебе потребуется все твое могущество, – задумчиво произнес Мур и хихикнул.

– А почему они решили что я – это он? – Курт решил не обращать внимания на неуместное веселье своего посоха.

– Еще не знаю, – ответил посох. – Я плохо знаком с культом Сигена. Впрочем, догадка у меня есть, но... не знаю. Когда они уйдут, проверим, прав я или нет.

– Если они уйдут, – вздохнул Курт.

– Да уж, – хмыкнул посох. – Твой способ обретения силы – это нечто неподражаемое. Однако я предпочел бы просто послушать повесть о твоих приключениях, а не самому в них участвовать.

– Ты ведь сам как-то говорил, что безопасные приключения вымерли, – напомнил Курт. – Осталась только опасная разновидность.

– А ты больше слушай разных ослов, вроде меня! – грустно усмехнулся посох. – Нет, ну надо же! Ведь мы были почти что в Джанхаре! Вечно тебя заносит невесть куда...

Эстен Джальн и его Ученик сидели в траве на берегу реки, до ушей перемазанные красками и счастливые. Перед ними в дразнящем стремительном танце извивалась парочка апсар.

– Этих тоже нарисуем? – спросил Ученик.

– Нет, – мечтательно вздохнул Эстен Джальн. – Этих не будем. Эти красивые.

– А как ты с судьбой-то договорился? – промолвил Ученик.

– Насчет Курта, что ли? – усмехнулся Эстен Джальн.

– Ну да. – Кивнул Ученик. – Кстати, зачем он тебе? Он такой... такой страшный... и вообще...

– Ну, видишь ли... в общем, я виноват перед ним... – задумчиво сообщил Эстен Джальн. – Ведь это я нарисовал Архимага. Теперь из-за этой сбрендившей карикатуры у бедняги Курта одни неприятности. А когда старый пройдоха Зикер захотел протаранить им защиту Джанхарской крепости... ну, это уж ни в какие ворота не лезло! Парень чертовски талантлив. Такой должен жить. Поэтому я и переговорил с Судьбой. Кому, как не ей решать подобные вопросы?

– Но ведь она никого не слушает, кроме себя, – удивленно сказал Ученик. – Как же?..

– Верно, – кивнул Эстен Джальн. – Не слушает. Но я – особый случай. Кто, по-твоему, писал ее портрет?

– Ее портрет? – восхитился Ученик. – Так, значит...

– Пустое, – отмахнулся Эстен Джальн. – Вернемся лучше к нашим красавицам!

Это случилось таким ранним утром, что его и утром бы никто не назвал. Это произошло в миг, когда властвовали серебристые сумерки, и предощущение зари еще не тронуло

досыпающую свои рассветные сны землю.

... из облаков и легкого дуновения ветра вновь соткался всадник... Облачный Всадник... Хранитель Края... Он уже почти поднес к губам свой вековечный священный рог... кто знает, что случилось бы, если бы он успел?

... но...

Что-то темное и тяжелое могучим усилием прошло облака. Разбросало их в стороны. Со звоном лопнули тонкие струны ветра, сотрясся небосвод, и тяжким стоном отозвалась враз поблекшая земля.

Что-то пришло с небес на землю, и тусклый след еще долго дрожал в воздухе, не в силах рассеяться. Воздух никак не мог забыть свой испуг и принять прежнюю форму. Что-то темное и тяжелое, закутанное во мрак, стояло в светлеющих сумерках. И там, где оно стояло, свет, казалось, терял силу. Дрожала, прогибаясь, земля – и если б могла, она сбежала бы прочь. Страх оседал кристаллами инея. И если бы случайный взгляд торопливого путника ненароком упал на это невероятное существо – он бы отдернулся незамедлительно, как машинально отдергивается палец, по оплошности коснувшийся огня. Взгляд бы отдернулся, а человек... Он бы просто ничего не запомнил. Не заметил бы ничего. Люди никогда не замечают и не запоминают такие вещи, просто потому что им жить охота, а заметивший – и уж тем более запомнивший такое – умрет незамедлительно. Это все равно как если бы лягушка вместо комара вздумала быка прогло-

тить. Не влезают в людей такие видения. Рвут их на части. Безумие – еще самая легкая участь.

Однако в серебристых сумерках ожидали совсем другие люди. Люди, которые знали о пришествии этого существа, ждали этого пришествия и были к нему готовы. Этим людям было позволено видеть его покров и оставаться в живых. Темный Бог стоял в лучах начинающегося рассвета и ждал, когда его последователи приблизятся.

Где-то далеко звучал бешеный стук копыт, ревело яростное море – но все было глухим и бесцветным, словно мир исчез за тяжелой каменной дверью, которую плотно притворила безжалостная и могучая рука.

– Подойдите, – велел голос, ужасней которого давно не слышали в Море.

Приверженцы Темного Бога содрогнулись, но послушно приблизились.

– Оннер должен остаться среди теней, – сказал Темный Бог. – Арамбур не должен получить помощи.

– Приказывай, Владыка! – в торжестве и страхе воскликнули верные слуги.

– Убейте их, – повелел Темный Бог. – Прежде всего – Линарда.

Он зевнул, чем ощутимо подпортил мрачную торжественность церемонии, но собравшиеся вокруг него этого не заметили. То есть они, конечно заметили зевок, ведь они ловили каждое движение, каждый жест своего Бога – но для них этот

зевок был так же торжественен, так же исполнен ужасающей святости, как и все прочее. Поведение Бога необсуждаемо, оно священно в принципе, исключений здесь быть не может. Да навали он кучу дерьма им на головы – они бы восприняли это с радостью. Счастьем и восторгу их не было бы границ.

Однако он не стал этого делать. Он просто исчез. Растаял. И только след его еще долго лежал в Мире, словно незарастающая память о недобрых делах.

Закрыв глаза, верные слуги Темного Бога вознесли благодарственную молитву. Глаза были закрыты недаром: сквозь закрытые глаза они все еще могли видеть рассеивающийся след их уходящего властелина.

– Навсегда, – густым голосом произнес их предводитель.

– Навсегда! – эхом откликнулись его сподвижники.

– По коням! – приказал предводитель. – Да свершится воля Его!

Когда топот копыт стих, из кустов вдруг вылезло такое страшилище, что лужи от ужаса сморщились, отказываясь его отражать.

– Да свершится воля его! – кривляясь, передразнило страшилище. – Я вам свершу, идиоты! Вы у меня такого насвершаете!

Оно скорчило омерзительную гримасу, сделало шаг и пропало.

Окрестные лужи разгладились с видимым облегчением. И с таким же точно облегчением вздохнула земля, вздохнула,

выгнула спину, и кажется, даже мурлыкнула.

... Ах, если бы Облачный Всадник успел протрубить... но живущим ныне часто приходится самим вершить великие дела, заменяя ушедших героев, даже если дела эти им не по силам...

Рыжий Хэк сказал заветное слово, и еще одна завитушка исчезла с его изукрашенной порталами груди.

– Я не смогу! – глядя в глаза Рыжего Хэка, простонал Роади, едва они оказались в портале.

– Сможешь, – внушительно отозвался тот. – У меня нет ни тени сомнения, что ты сможешь. Ради НЕЕ.

– Она... вы же ничего не понимаете... – простонал Роади. – Она – принцесса... а я...

– Она любит тебя. – сказал Рыжий Хэк. – А ты – будущий король. Тоже мне, тему для мелодрамы нашел.

Портал открылся.

Принцесса пребывала в трауре.

Ее траур был полным и несомненным. Ее глубокая скорбь была неподдельна. Принцесса танцевала, и лицо ее светилось от счастья.

Роади подумал, что он ни разу еще не видел ее такой счастливой. Он поклонялся ей, как богине, а она говорила, что любит его. Но... как это могло быть? Так ведь не бывает... Богини, конечно, могут говорить и делать все, что им заблагорассудится, но смертные должны помнить свое ме-

сто. Роади не смел любить свою богиню. Не смел. Только благоговение. Только священный трепет. Он помнил каждое слово, каждый жест, каждое дыхание. Когда она попыталась его поцеловать, он сознание потерял.

Но его богиня была грустной богиней. Потому что был еще и король. И у короля была власть. Над всеми. Даже над ней. По какой-то роковой, несправедливой случайности она была его дочерью.

Король не был для Роади божеством. Глупый, похотливый, омерзительно безумный старик, не раз пытавшийся заставить Роади принять участие в его отвратительных развлечениях. На счастье, память короля была еще короче, чем то, посредством чего он пытался развлекаться. Глупый старик, наделенный страшной властью казнить и миловать. Роади, не задумываясь, правил его бредовые приказы – ведь король спустя минуту уже и сам не помнил, что же он приказал. Если вообще что-то приказывал.

Во сне Роади часто видел короля в образе омерзительного жирного паука, в сетях которого запуталась яркая чудесная бабочка. Его богиня. Принцесса. Оанхиль.

Она часто была печальной. Редко – веселой. Но... такой, как сейчас... такой, как сейчас Роади ее еще не видел. Грозовые тучи траурных одежд не в силах были спрятать ее солнечной радости.

Рыжий Хэк нарочно открыл портал в спальне принцессы. Возможно, это было довольно нескромно, но... сначала Ро-

ади должен был увидаться именно с нею. Дворец ведь еще подготовить нужно к встрече нового короля, убрать разный там мешающий мусор, всяких там претендентов и прочий хлам, а принцесса... Рыжий Хэк не сомневался, что она готова.

– Роади! – радостно воскликнула Оанхиль, бросаясь на шею любимого. – Ты так незаметно вошел! Я забыла запереть дверь, да? Где ты был все это время? Ты уже слышал, что мой отец убит?!

– Да, – напряженно ответил Роади. – Слышал.

– Жаль, мама не дожила! Она бы... – в упоении выдохнула принцесса. – Я как с ума сошла... такая свобода... больше никто... никогда...

– Да, – повторил Роади.

– Мы теперь точно поженимся! – Принцесса подхватила Роади и закружила его по комнате. – Никуда ты теперь от меня не денешься! Подумать только – мы живы! Мы – молодцы! А этого гада нет, нет, НЕТ – и никогда не будет!

Рыжий Хэк стоял в сторонке, в тени от занавесей и ждал, когда же принцесса обнаружит постороннего или Роади обратит на него ее внимание. Однако этого пока не происходило.

– Плевать я хотела на все законы! – пела принцесса. – А будут много языками молоть – я и вовсе отрекусь. Пусть кто хочет, садится на этот мерзкий трон, а я пойду работать прачкой! Прачкой! Нет, но как же чудесно! Кто-то повесил

меч над самым тронном. И он упал. Прямо на Вечернем Королевском Совете. Король умер на месте! Знала бы, кто это сделал – сапоги бы ему поцеловала, честное слово!

– Не стоит, – смущенно кашлянул Рыжий Хэк выбираясь из темного угла. – Они у меня грязные.

Принцесса вздрогнула и ухватила за Роади.

– Не пугайтесь, – сказал Рыжий Хэк.

Принцесса отлично владела собой. Испуг она подавила почти мгновенно.

– Кто вы? – резко спросила она. – Как вы здесь оказались?

– Он со мной, – глядя в пол ответил Роади. – Или я с ним... не знаю. Это он повесил тот меч. Я не знал тогда. Правда, не знал! Он хочет, чтоб я стал королем, а ты – королевой. И другие тоже хотят, чтоб мы стали. Их много... я даже не знаю с чего начать... столько всего случилось... Но я не убивал короля, правда! Я даже не знал об этом тогда...

– Это ничего, – улыбнулась принцесса Оанхиль. – Я все равно люблю тебя.

– Вы даже не представляете, что вы сделали для меня! – обернувшись к Рыжему Хэку, выдохнула принцесса.

– Представляю, – ответил он. – В свое время для меня никто этого не сделал. Пришлось обойтись собственными силами.

– О-о-о! – с чувством воскликнула принцесса. – Что я могу сделать для вас?

– Не отказывайтесь от трона, – ответил Рыжий Хэк. –

Станьте королевой. Сделайте Роади своим королем. Вдвоем вы удержите Аргелл от хаоса. А я по мере моих скромных сил помогу вам двоим удержать трон.

– Вы ничего не просите для себя? – удивилась принцесса.

– Я хочу видеть вас с Роади на королевском престоле Аргелла. – улыбнулся Рыжий Хэк.

– И все?

– Мне трудно ответить на этот вопрос одним словом, – вздохнул Рыжий Хэк. – Ответ я «да» или «нет» – вы все равно поймете меня неверно. Я предлагаю нам всем присесть на эти замечательные кресла, и обсудить создавшееся положение. Когда вы, Принцесса, узнаете то, что уже известно нам с Роади, тогда и решите – много я у вас прошу или мало. И что для Вас лучше – стать нашей сообщницей или кликнуть стражу.

– Я никогда не предам убийцу своего отца, – твердо ответила принцесса. – Никогда. Я слушаю вас.

– Присядем, – повторил предложение Рыжий Хэк.

– Ах, да! Простите, – пробормотала принцесса. – Присаживайтесь, ради всех Богов, и простите меня... просто у меня такой праздник... вы ведь понимаете, о чем я?.. я сама не понимаю... но вы – вы должны понимать... вы сделали это... сначала – для себя, потом для меня... о, вы должны понимать меня... разве не безумие – радоваться смерти своего отца?.. а я рада!.. и разве не безумие – сидеть здесь, с его убийцей?.. а я сижу! Отец...

– Он не отец вам, если это важно, – сказал Рыжий Хэк. – И... вам известно, что именно он убил вашу мать?

– Я так хотела его отравить... – сказала принцесса. – Каждый день... каждый час... каждую минуту... Но – говорите! Вы ведь не об этом собираетесь рассказывать. Я права?

– Вы правы, – кивнул Рыжий Хэк. – Не об этом.

– А... он действительно не отец мне? – спросила принцесса.

– Действительно, – ответил Рыжий Хэк. – Но это должно остаться тайной. Ваши права на престол... и прочее. Править должен тот, кто может это делать, а не тот, у кого больше прав.

– Все. Говорите. Больше я вас не прерву, – кивнула принцесса.

Когда требовалось изложить что-либо ясно понятно и коротко, никто не мог бы сравниться в этом нелегком деле с Рыжим Хэком. Чем больше он говорил, тем больше прояснялось лицо принцессы.

– Я тоже слышала старые сказки, – задумчиво сказала она. – Арамбур... Линард... Оннер... неужели это правда? И старые времена возвращаются, в самом деле возвращаются... и мы можем им помочь...

– Аргелл нужен Оннерскому Союзу, – сказал Рыжий Хэк.

– И что мы должны делать? – спросила принцесса.

– Вы будете пытаться править, – сказал Рыжий Хэк. – Мудро и справедливо. А я постараюсь освободить ваше

правление от тех недалёковидных личностей, которые по недомыслию своему захотят мешать столь праведному делу. Так что необходимо будет подумать о союзниках и противниках. Итак, Ваше Высочество, кто Вас поддержит, если Вы заявите свои права на престол? Сколько у Вас противников? Есть ли ещё желающие приложить свою задницу к трону? У кого из них есть реальное право, а у кого – сильные сторонники? На чьей стороне будет армия? Кого больше любят чиновники? А народ? Жрецы?

– Я могу ответить на эти вопросы, – сказала принцесса. – Но не на все сразу.

– Начнем с претендентов. Я должен знать их имена уже сейчас.

– Я... понимаю, – вздрогнув, тихо сказала принцесса.

– Раз нельзя иначе, я бы хотел сам их убить, – мрачным тоном произнес Роади. – Потому что все равно ведь – ради меня... ради меня все... и я хочу поэтому, чтоб так... чтоб не чужими руками... а то ведь как я потом дальше-то буду?.. Я знаю, Хэк, что ты скажешь сейчас... что не ради меня, что ради великого дела, что король такой же солдат, как и прочие, я знаю это, но... знаешь, есть такие мерзкие насекомые – вши захребетные называются, такие, что возле любого великого дела обитают и кормятся от него, гады... Так вот, я такой вошью быть не хочу! И раз нельзя иначе, значит я претендентов сам должен... сам... чтоб потом до конца жизни об этом помнить...

– А кто тебе сказал, что я собираюсь их убить? – удивился Рыжий Хэк.

– А разве есть другой выход? – еще больше удивилась принцесса.

– А вот это, уж простите, моя забота, Ваше Высочество, – развел руками Рыжий Хэк. – Теперь дальше. Ваше Высочество, Ваш будущий венценосный супруг устал чрезвычайно, у него была умопомрачительно трудная ночь, а у Вас здесь такая удобная и мягкая постель... Снимите с него сапоги и вообще помогите раздеться, слуг не зовите, не стоит, справьтесь как-нибудь сами, а потом назовите мне имена... а еще лучше, напишите их – и я не буду Вас больше беспокоить. Встретимся утром.

Роади едва в обморок не упал, когда нежные руки его боготворимой принцессы аккуратно освободили его от сапог и одежды, а потом ласково уложили в постель, которой он не смел коснуться даже в мыслях.

Принцесса подошла к столу и быстро написала что-то на листке бумаги. Рыжий Хэк взял листок и выпрыгнул в окно.

У короля Арвалирена даже постельные принадлежности были возведены в дворянское достоинство. Похищая короля, Орн Тарнай наскоро соорудил из Графинь Подушек некое подобие королевского тела, которое аккуратно прикрыл Герцогом Одеяло. Разумеется, он не знал об этих невероятных званиях. У короля Арвалирена даже ночной горшок

был маркизом! Однако думается, даже знай он о том, с какими высокими особами ему приходится иметь дело, это не повлияло бы на его обращение с ними. Теперь, когда разведчик доставлял короля обратно во дворец, тот не преминул попрекнуть его в том числе и этим. Навешивать оплеухи союзнику вроде бы не годилось. Орн Тарнай терпел.

Первое, что он увидел в открывшийся портал – длинное тусклое лезвие кинжала, с размаху втыкающееся в Герцога Одеяло. Графини Подушки так и посыпались во все стороны. Треснула рвущаяся Баронесса Перина. Орн Тарнай удержал метнувшуюся в мозг веселую непристойность. Дело-то выходило серьезное.

– Это еще что? – потрясенно пробормотал король Арвалирен.

– Покушение на Ваше Величество, – пожал плечами Орн Тарнай. – Вовремя же я Вас похитил. Можно сказать, от смерти уволок – а Вы еще брыкались.

Злоумышленник растерянно замер над растерзанной постелью. Орн Тарнай уже определил, что он здесь не один. Хорошо организованное покушение. Много людей. Часовые, вероятно, убиты или подкуплены. На помощь рассчитывать не приходится.

– Идемте, Ваше Королевское Величество. – Разведчик ухватил Арвалирена за руку и решительно выдернул из портала. – Идемте. Пришла пора вершить королевское правосудие.

Заслышав голоса, злоумышленник оторвался от созерцания разоренной королевской кровати и повернул к ним перекосенное гневом и яростью лицо.

– Ах, ты... – хрипло выдохнул он.

– Сам такой! – ответил Орн Тарнай и пнул убийцу между ног.

Тот сложился вдвое, но все же попытался метнуть свой нож в Арвалирена. Орн Тарнай «взял» лезвие из воздуха и буквально пригвоздил им к двери некую смутную тень, попытавшуюся было бежать.

– Да их тут много! – возопил Арвалирен.

– Немало, – согласился Орн Тарнай, подхватывая Маркиза Ночной Горшок и запуская его в очередную тень, метнувшуюся к ним с мечом в руке.

– Измена! – завизжал Арвалирен.

После чего немедленно получил от Орна Тарная тяжелую оплеуху и отлетел в угол. В место, где он только что стоял, вонзилось не меньше десятка арбалетных стрел.

– Ну, измена, – негромко заметил Орн Тарнай. – Подумаешь, большое дело. Было бы чего орать.

Он прыгнул во тьму, и какое-то время слышался только резкий свист его меча и короткие обрывчатые стоны.

– Арбалетчиков развелось, – проворчал Орн Тарнай, приканчивая последнего. – И откуда у Вас столько разной пако-сти в спальне? Сами коллекцию собирали или помогал кто?

– А вы сначала всех убейте, а там уж я и посмотрю, сам

или не сам, – пробурчал из угла Арвалирен.

– Так я уже, – усмехнулся Орн Тарнай.

– Что – «уже»? – недоверчиво переспросил Арвалирен.

– Убил, – ответил Орн Тарнай.

– Всех? – уточнил Арвалирен.

– Нет, конечно, – ответил Орн Тарнай. – Нужно же нам узнать, кто за всем этим безобразием стоит? Двое еще живы.

Он быстро нашел свечи. Зажег свет.

– Ох, – только и сказал Арвалирен.

– Узнаете кого-нибудь? – поинтересовался Орн Тарнай.

– Вон того... на двери... – дрожащим голосом ответил Арвалирен. – Но... но где моя охрана?! Я велю их всех казнить!!

– Не казнить, а похоронить с честью, – с тихой яростью сказал Орн Тарнай. – Такое количество людей просто не могло пролезть в окошко. Думаю, Ваши стражи мертвы...

– Мертвы... – повторил Арвалирен.

– Вот именно, – кивнул Орн Тарнай, связывая двух уцелевших злоумышленников. – У Вас есть допросных дел мастера?

– Конечно, – кивнул Арвалирен. – В любом государстве есть такие люди.

– И еще... на допросе должен присутствовать маг, – добавил Орн Тарнай. – Вдруг на них наложено заклятье?

– Заклятье? – не понял Арвалирен. – Какое еще заклятье? Зачем?

– Они могли совершать покушение находясь под властью каких-либо чар, – пояснил Орн Тарнай. – Или, возможно, на них наложен магический запрет на правду. Тогда они умрут, пытаясь назвать имя своего заказчика, и тайна останется тайной. Любое покушение можно повторить. Исполнителей найти нетрудно.

– Я понимаю, – кивнул Арвалирен. – Нам нужен главный организатор. Впрочем, думаю, что все проще. Полагаю, главный организатор висит на двери. Никогда не думал, что можно вот так – насквозь ножом, да еще чтоб намертво к двери...

– По-разному бывает, – пожал плечами Орн Тарнай.

– Я вызову мага, – пообещал Арвалирен. – Хорошего мага. Надежного. Своего человека.

Король, казалось, оправился от шока и начал понемногу приходить в себя. Он тряхнул головой и даже попытался расправить плечи. Он сумел улыбнуться. Он сел за свой письменный стол – так он наверное чувствовал себя увереннее.

– Послушай, а ведь ты мне жизнь спас! – вдруг вырвалось у него. – Они бы меня убили, если бы не ты!

– Наверное, – пожал плечами Орн Тарнай.

– Меня не мог спасти простолюдин! – возгласил Арвалирен, дергая шнур звонка.

Где-то далеко, потом все ближе, слышался топот. Шум. Испуганные возгласы. Торопливая речь. Шорох. Звяканье. Скрип двери. Тяжелая нынче дверь. Плохо открывается. Ну еще бы – где ж ей хорошо открываться! Двери с нанизанными

ми трупами завсегда плохо открываются.

Вбежали.

Остановились.

Перепуганные до полусмерти.

– Ваше Величество, Вы живы?! – с порога заголосили перепуганные придворные.

– Жив, – язвительно ответил Арвалирен. – Но не вашими молитвами.

– Ваше Величество! Там... – начал один из них.

– Тут тоже! – ядовито заметил Арвалирен, зло пнув труп одного из убийц. – И если бы не этот достойный молодой человек, ваш король был бы мертв! Одевание герцога – живо!

Не успел Орн Тарнай и глазом моргнуть, как уже сделался герцогом – человеком в очень странном для разведчика костюме с кучей неожиданных побрякушек и фамильными землями «где-то там, за дальним холмом.»

Арвалирен развил бурную деятельность. Убитых часовых – шестеро были насквозь проткнуты арбалетными стрелами, еще двое заколоты кинжалом – отнесли в дворцовый храм, дабы жрецы могли позаботиться о достойном погребении погибших на посту. Двух еще живых убийц отволокли в темницу для подробного расспроса. Арвалирен собрал в своей спальне всех придворных. Всех рыцарей, баронов, графов и герцогов, которых только смог найти. Он то отдавал какие-то распоряжения, то рассыпался в похвалах и благодарностях новому герцогу, то самолично таскал за бороду

начальника дворцовой стражи. Наконец Орн Тарнай решил, что с него хватит. Он честно отработал все оскорбления, которые посмел нанести Его Величеству. Король сполна отыгрался на нем за все оплеухи и зуботычины. Так что дальше пусть развлекается сам. Без его участия. Придворные не в счет, у них работа такая – а его за что мучают?

Глубоко вздохнув и призвав на помощь всю свою вежливость, Орн Тарнай напомнил Его Величеству Королю Арвалирену, что он на службе и ему пора возвращаться.

– Ты находишься на службе у моего царственного брата Короля Эруэлла, – важно кивнул Арвалирен. – Отправляйся. Я отпускаю тебя. Но помни! Твое герцогство будет ждать тебя, где бы ты ни был. Запомни это. Простолюдины не спасают королей. Нет у них такого права.

Дарман, король Балурсы, был пьян и выглядел так, будто с утра пораньше наглотался пуговиц, а потом весь день занимался прыжками с шестом через крепостную стену собственного королевского замка.

Король Дарман сидел за огромным пиршественным столом. Впрочем, пиршественным этот стол был вчера, а сегодня...

Если бы через этот стол промаршировала рота гвардейцев в полном обмундировании и со всеми побрякушками, он, пожалуй, выглядел бы лучше...

Или все-таки нет?

«Так. Помню. Это мы быка на скорость ели. Или на ловкость? Кажется, нужно было держать руки за спиной... или не за спиной? А это мы тортами швырялись. Помню. Хриплый Молот здорово швыряется. Чуть не убил, зараза! Это кремом-то! Р-разведчик, мать его...»

В правой руке Его Величества была кружка с вином. Немного подумав, он вылил ее себе на голову.

«Освежиться, так и проснусь...»

В левой руке Его Величества был рог.

При ближайшем рассмотрении Дарман обнаружил что к рогу прилагается корова. Она к нему прикреплена намертво. Никак не оторвать. Не вареная, не печеная, не жареная – живая корова стояла слева от короля и мирно жевала салфетку. Рыженькая такая. Глаза карие, удивленные.

«Допился», – с испугом подумал Дарман. – «Всякое мерещилось, но чтоб корова?»

Собрался с духом, закрыл глаза, досчитал до десяти и решительно потряс головой. Открыл глаза. Посмотрел.

Корова.

Снова закрыл, снова потряс, опять открыл.

Корова.

Дарман вздохнул.

Корова не исчезла. Она доела салфетку и принялась за скатерть. Дарман отобрал скатерть и сунул животине миску с салатом. Салат пришелся корове по вкусу.

На спине коровы, ухватившись друг за дружку, спали сидя

три прекрасные юные фрейлины, одетые только в аромат духов. Король Дарман смутно припомнил, что собирался «заняться ими попозже», но потом Хриплый Молот предложил такое пари... Кажется, девицы так и уснули, не дождавшись обещанного. Ничего. Жизнь не кончена. Сейчас как следует проснемся и наверстаем. И все же... откуда взялась корова?

Кажется, последние слова он произнес вслух.

– Черт, я тоже хотел бы это знать! – раздался насмешливый голос Хриплого Молота, сидящего напротив. – Нет, все остальное я еще мог как-то вообразить, но этот номер меня просто потряс! Ты бы еще слоном попытался жонглировать, Твое Величество!

– Я пытался жонглировать коровой?! – ошалело пробормотал король.

– Да. Когда тебе надоело ронять своих бедных фрейлин и несчастных стражников, – кивнул Хриплый Молот. – Я едва поспевал их ловить. А потом ты решил что они слишком легкие, куда-то убрел и явился с коровой. Но к тому моменту, почти все фрейлины и стражники уже разбежались. И, честно говоря, я их вполне понимаю. Ты должен очень высоко оценить подвиг этих трех девушек, Твое Величество. Им было очень страшно, но они остались несмотря ни на что.

– И в результате ни одна из них не получила обещанного, – виновато пробормотал Дарман.

– Да. Все, на что тебя хватило, это посадить их на корову, – пожал плечами Хриплый Молот.

– Все ты со своим пари... – укорил Дарман.

– Но я ж не мог знать что ты так быстро устанешь, – возразил разведчик.

Он сидел за столом напротив короля и ловкими ударами меча рубил здоровенную колбасу на тоненькие аккуратные кружочки. У его ног сидели сорок четыре королевских пуделя. Хриплый Молот честно делил колбасу поровну между собой и собачками, после чего вновь принимался орудовать мечом.

– А ты – м-молодец, – проговорил Дарман. – И собачек не забыл. А как ты вчера днища из бочек вышибал...

– И тортами я тоже неплохо кидаюсь, – улыбнулся Хриплый Молот. – Вот только... пора мне, Твое Величество. Служба. Сам понимаешь... А фрейлинам своим передай, что очень мне их прелести понравились, но у меня... э-э... невеста есть. В общем, пусть не обижаются.

– Хорошо, – кивнул Дарман. – Иди. А то этот твой Эруэлл нам обоим башку открутит. Тебе-то что, а мне корону носить не на чем!

– Вот и я о том же... – вставая, проговорил Хриплый Молот.

Он ловко швырнул собачкам остатки колбасы, оглянулся по сторонам, и, пожав плечами, вытер руки о скатерть.

– Да, чуть не забыл, – воскликнул король. – Скажи, а почему мы красили этих сумасшедших лошадей именно зеленой краской?

– Защитный цвет, – важно ответил Хриплый Молот, шагая в портал. – Теперь их с воздуха ни один дракон не увидит! Держись, Твое Величество!

– Удачи! – ответил король Балурсы и вылил на голову еще одну кружку вина.

Он представил как ошалеет конюх, когда с утра пораньше, заглянув на конюшню, обнаружит, что все лошади Его Величества приобрели защитный зеленый цвет, и сполз на пол от хохота.

Корова неодобительно на него покосилась, вздохнула и вновь принялась за салат.

Наиболее гладко прошло возвращение короля Найрита. В его отлаженном, как часы, государстве просто не могло быть места каким-то там заговорам и прочим смутам. Особенно когда личным телохранителем короля состоял Рыцарь Отрубленной Головы. Заживо Отпетый. Мертвец. Воин, которого невозможно убить. Ну и кому охота с таким то связываться? То-то и оно, что никому.

Так что насколько тяжело Усатому Могиле было похитить короля Найрита, настолько же легко оказалось его вернуть.

Едва они очутились в спальне Его Величества, король тут же бросился к груде бумаг, возлежащих на его рабочем столе.

– Вам придется подождать меня, – проговорил он, перебирая бумаги. – Полчаса или чуть больше.

– Думаю, мне лучше вернуться, – заметил Усатый Могила.

– Думаю, вам лучше подождать, – не отрываясь от бумаг, в тон ему ответил король Найрит. – Я обещал Верховному Королю отряд воинов. Я намерен сдержать обещание. И я бы хотел сделать это быстро, иначе вся затея потеряет смысл, а я не принимаю участия в бессмысленных затеях.

Он помолчал, задумчиво покусывая кончик пера.

– Я бы хотел, чтобы именно вы отобрали тех, кто отправится в Оннер под начало Верховного Короля, – наконец сказал он.

– Я? – удивился Усатый Могила.

– Именно, – кивнул король. – Я полагаю, что вы обладаете гораздо большей осведомленностью о том, что предстоит этим людям и с кем им придется взаимодействовать. Мне кажется логичным, чтобы выбор осуществляли именно вы.

– Пожалуй, – задумчиво сказал Усатый Могила.

– И сейчас самое подходящее время, – добавил король. – Ночью, когда люди спят, они такие, как на самом деле, а не такие, какими стараются быть или казаться.

Усатый Могила только удивленно покачал головой.

– А Вы недаром трон протираете, Ваше Величество! – восхищенно заметил он.

– Надеюсь, – кивнул король Найрит.

В руке короля быстро мелькало перо, словно бы выхватывая из воздуха буквы, а потом роняя их на бумагу. Точными движениями король откладывал просмотренные и поме-

ченные бумаги в несколько разных стопок. Грудь перед ним уменьшалась с поистине сказочной быстротой. Вот легкими парусами прошелестели последние бумаги – и король Найрит быстро встал.

– Я готов, – сообщил он. – Мы можем идти.

В казарме Королевской Гвардии было темно. Все, кроме часовых и дежурного офицера, спали глубоким сном. Тусклый свет потайного фонаря в руке личного телохранителя короля выхватывал лица людей. Лица, настежь распахнутые сном.

Они шли молча. Время от времени Усатый Могила опускал руку на спинку кровати и король утвердительно кивал, а дежурный офицер записывал имя воина, которому предстояло отправиться на особое задание.

Они были разными, эти спящие гвардейцы. Во сне они не были солдатами. Скорей уж детьми. На детских лицах легко читать. Тот, например, днем наверняка выглядит бравым служакой, а на деле – нерешителен. Другой наверняка кажется образцом выдержанности, но случись что, и с трудом сдерживаемая горячность прорвется наружу. А ведь им предстоит действовать в очень сложных условиях. Усатый Могила хорошо знал, что от героя до паникера один шаг. Тот, кто будет хорошо сражаться в одних условиях, может оказаться совершенно небоеспособен в других. Горячие хороши в атаке, со спокойными и опытными лучше выдерживать осаду. Одно дело – участвовать в большом сражении на своей зем-

ле, в составе большой армии, и совсем другое – с малым отрядом пробираться по вражеским тылам и быть ежеминутно готовым и к нападению и к обороне, а главное, к внезапной безвременной смерти, про которую, кстати сказать, никто, скорей всего, не узнает и песен о твоей славной гибели не споют. Такое мужество дано не каждому.

Усатый Могила старался отбирать умных, спокойных и стойких.

– Вы уверены? – удивленно спросил король, глядя на его очередной выбор – щуплого паренька, служившего оруженосцем у одного из старших офицеров.

– Совершенно уверен, – ответил Усатый Могила. – Этого хоть завтра к нам в разведку.

– Вам видней, – пожал плечами король Найрит и шагнул дальше.

Усатый Могила передвигался бесшумно. Телохранитель короля Найрита – почти бесшумно. Король и дежурный офицер тоже старались не шуметь. Все разговоры велись шепотом. И все же следующий воин услышал их, проснулся и сел. Его взгляд сделался осмысленным почти мгновенно.

– Какие будут приказания, Ваше Величество? – негромко спросил он ясным чистым голосом.

– Никаких, – ответил Найрит. – Спи.

– Слушаюсь, – коротко кивнув, воин лег и закрыл глаза.

Еще миг – и он спал. Его дыхание было ровным и глубоким.

– А этого – командиром, – негромко заметил Усатый Могила. – Лучшего и не надо.

Но раньше, чем отобранные Усатым Могилой гвардейцы короля Найрита добрались до Эруэлла, на помощь Верховному Королю пришли совсем другие воины.

Солдаты Аргелла.

Лучшие из лучших.

Личная гвардия Седого Герцога.

А привел ее не кто-нибудь, а сам Герцог Седой – живая легенда Аргелла. Воин и полководец, впавший в немилость у короля Лимеа и почти десять лет безвылазно проведенный в своих землях. Отгородившись от всего мира, герцог не бывал нигде и у себя никого не принимал, никакой дани не платил, на грозные королевские послания не отвечал, а потом даже и гонцов перестал к себе пускать. Король попытался пойти на герцога войной – но, сравнив свою армию с герцогской, позорно бежал с поля так и не состоявшейся битвы. Вслед за ним вернулись опозоренные королевские вояки. Герцог их не преследовал. Король Лимеа запретил всякое упоминание о нем, а потом и вовсе приказал распустить слух о его смерти.

И вдруг невероятный герцог воскрес из небытия и с отрядом фантастических воинов явился к Эруэллу.

Вот как это случилось.

Вначале у Рыжего Хэка дела шли хорошо – и даже очень.

Покушение на принцессу Оанхиль было так скверно подготовлено, что предотвратить его не составило никакого труда. Убийца споткнулся и ненароком упал на собственный нож. В коридорах дворца такие скользкие ковровые дорожки... а тут еще, как назло, лестница...

Отравительница по ошибке выпила то, чем собиралась угостить принцессу, вместо лекарства от мигрени. Эти пожилые дамы такие рассеянные...

Остальные достойные люди тоже что-нибудь съели – или выпили, или споткнулись... после чего у них появились дела более важные, чем лишение жизни кого бы то ни было. А поскольку дела эти находились в мире, чересчур отличном от мира живых, не стоило забивать себе голову их вероятным возвращением – возвращение было невероятным.

Устранив убийц, Рыжий Хэк занялся врагами, недоброжелателями и претендентами. Этих нужно было по возможности оставить в живых.

Рыжий Хэк очень по-человечески сочувствовал Роади и Оанхиль. Садиться на трон и вообще противно, если ты не псих – а уж на трон, залитый кровью...

Рыжий Хэк очень старался избежать крови. Но ему все же пришлось разбить нос пятнадцатилетнему юнцу, вообразившему, что именно его задница имеет наиболее приемлемую для трона форму. Юнец провалился в портал – вослед за десятком других претендентов. Портал Рыжий Хэк открыл в Армакангре, южном крае, расположенном слишком дале-

ко не только от Аргелла, но и от чего бы то ни было в этом Мире. Главное, там нет магов – а значит, нет и порталов. Зато есть горячее южное солнце, множество мелких, вечно враждующих царств, все пытающихся решить, кто же из них кому принадлежит, а также суровые пограничные законы и прочие милости Богов. Пройдет не меньше трех лет, прежде чем претенденты сумеют добраться до Аргелла. Если захотят: быть может, им там больше понравится? Если сумеют: может, их там вообще убьют. Или усадят на тамошние троны. Чем черт не шутит? Тамошние черти шутят абсолютно всем. Там все бывает.

В любом случае, Рыжий Хэк очень не советовал им возвращаться – а он выглядит чрезвычайно убедительно, когда дает такие советы.

Да, вначале все шло хорошо.

Ничто не предвещало беды и в тот час, когда наступило утро, и Рыжий Хэк пришел засвидетельствовать свое почтение Их Будущим Величествам.

Величества были очень сонными и весьма довольными друг другом. Из глаз Роади, наконец, исчез священный ужас святотатца, и юноша весь светился тихой радостью.

«Молодец, девочка!» – подумал Рыжий Хэк. – «Так держать!»

– А мы уже успели пробежать до дворцового храма, – поведала Оанхиль, нимало не смущаясь тем, что у дверей ее спальни и помимо Рыжего Хэка, собралось довольно много

народа.

– И обручиться, – добавил Роади – правда, смутившись.

– А я разобрался с большей частью ваших проблем, – усмехнулся Рыжий Хэк, вызвав бурное оживление среди разномастного народа, собравшегося у дверей Ее Высочества. Как оказалось, это была «партия принцессы». Люди, по тем или иным причинам поддерживающие Ее Высочество Принцессу Оанхиль.

– Вы имеете в виду те препятствия, которые могли бы мне помешать исполнить свой долг наследницы престола? – осторожно спросила принцесса.

– Вы совершенно правы, Ваше Высочество! – ответил Рыжий Хэк. – Большинства этих проблем отныне не существует.

Вот тут он ошибался.

Что ж... и с аналитиками случается.

Тем более, что всего предвидеть нельзя.

Например, нельзя предвидеть, что у сумасшедшего короля окажется не менее сумасшедший Королевский Совет.

«И как они вообще не разнесли королевство вдребезги? Такое ощущение, что Роади один что-то делал в этом бедламе – а остальные по мере сил все портили. Все, что могли, портили. Даже не выгоды ради, а просто так, от скуки.» – подумал Рыжий Хэк. – «И как он, бедняга, один управлялся? Как только смелости и воли на все хватило? И ведь управлялся же. У парня железные нервы. Нет, правильно я выбрал!

Правильно.»

И, разумеется, нельзя было предвидеть, что у каждого из сорока трех членов Королевского Совета окажется СВОЕ Королевское Завещание.

Свое.

Все написаны королем Лимеа лично – и ни одно из них не похоже на другое. Бред какой-то. Словно король нарочно задался целью как следует насолить своим несчастным потомкам. И всему остальному миру заодно. Наверно, чтоб не скучно было. Только в трех завещаниях Принцесса называлась в качестве наследницы. Зато в трех других король требовал положить ее вместе с собой в гроб – в качестве законной посмертной жены.

– Воля короля священна! – тут же завопила партия противников принцессы.

Несколько человек тут же выступили со слезливыми соболезнованиями. Оказывается, в глубине души они очень любили несчастную принцессу – но разве можно нарушить волю отца, да еще и посмертную?!

Возмущенная принцесса заявила, что она не намерена ложиться в гроб с кем бы то ни было. И вообще, она только что обручилась. Так что пусть уважаемые члены совета сами составят компанию ее папаше, если им охота!

– Возмутительно! Она посмела выбрать себе жениха, даже не спросив мнения членов Королевского Совета! – дребезжащим голосом прокричал какой-то старикан.

Но тут пришло очередное «единственное завещание Его Величества», которое вызвало бы неприличный хохот в любом другом обществе.

Король Лимеа, оказывается, требовал, чтобы после его смерти на трон была посажена... огромная куча навоза. В любом другом обществе такое «завещание» не приняли бы всерьез. Здесь же его рассматривали со всяческим уважением – и долго рассуждали, какого размера должна быть куча, раз в завещании об этом прямо не сказано.

Этот вопрос вызвал серьезные разногласия.

Каждый член Королевского Совета имел собственное мнение. Разумеется, именно оно и было единственно верным. А как же иначе?

«Я не тех прикончил», – подумал Рыжий Хэк. – «Нет, не тех. Подумаешь, убийцы – эка невидаль. Они хоть вменяемы. С ними договориться можно.»

Постепенно страсти накалялись, и, наконец, произошло окончательное столкновение. Забыв о своих высоких титулах, званиях и прочих завитушках, члены Королевского Совета орали друг на друга так, что им бы позавидовали базарные зазывалы.

– Много вы понимаете в размерах навоза! – орал один.

«Сам-то ты в навозе больно разбираешься!» – подумал Рыжий Хэк. – «Небось, ручки свои холеные только раз в месяц моешь, потому что пачкать не приходится. Тоже мне, навозных дел мастер!»

– Как бывший первый королевский советник!!! – надсаживаясь, голосил другой.

Но чего именно хотел «бывший первый», разобрать не удалось.

Все прочие голоса перекрыл истошный визг. Рыжий Хэк аж вздрогнул от неожиданности.

– Воля Его Покойного Величества священна! – визжал невзрачный человечек, сидящий неподалеку от Рыжего Хэка.

«Ну, вопит!» – подумал Рыжий Хэк.

– Которая из сорока трех? – спросил он вопливца.

– Что?! – взвизгнул тот, бешено вращая глазами.

– Его Величество изволил оставить сорок три изъясления собственной королевской воли, – мягко пояснил Рыжий Хэк. – Которая из них является священной?

– Все, разумеется! – злобно взвизгнул вопливец.

– У меня меч свербит, – шепнул Рыжий Хэк устроившемуся рядом Роади.

– А я всю жизнь – вот так... – пожал плечами тот. – К ним можно привыкнуть, но я не очень понимаю, как ты собираешься их победить.

– Теперь и я не знаю, – вздохнул Рыжий Хэк. – Но их необходимо победить. ТАКОЕ не должно править. Ты выйдешь отсюда королем. Даже если мне придется для этого отлакировать тутошний пол ихней кровью – королем выйдешь, и никак иначе.

Рыжий Хэк стряхнул с носа солнечный зайчик и потянулся медленным страшным движением – словно бы он уже схватил кого-то за горло и теперь мягко и неумолимо выдирает его наружу.

Но он и сам понимал, что это не выход. Эти люди должны добровольно признать Роади и Оанхиль. Добровольно. Потом их можно будет отправить в отставку. Потихоньку. Одного за другим. Одного за другим. Незаметно меняя их на психически нормальных людей. На тех, с кем можно работать. Отстраняя человека за человеком. Дурака за дураком. Медленно. Очень медленно. Король не может остаться в пустоте. Она его не удержит. Оставшись в пустоте, он упадет. Неминуемо упадет. Пустота никого не держит. Кровавая резня возможна только тогда, когда королю есть на кого опереться... но даже и тогда она нежелательна. Кровавые тирании не вызывают доверия народа. А без такого доверия ни одно государство не может вести войну с внешним врагом. Ему приходится вести эту войну с собственным народом. Да и живут такие тираны недолго. Потому что являются собой весьма соблазнительный пример: вот он убил и стал королем – убей его и будешь королем сам!

Охотники всегда найдутся.

Нет уж. Нужно решить эту проблему по-другому. Но как?

Рыжий Хэк встал и, призвав на помощь все свое красноречие, попытался убедить «Уважаемых Членов Совета» снять с обсуждения все эти завещания, как явно абсурдные, и ре-

шить вопрос, исходя из необходимости и здравого смысла.

В ответ он услышал, что недостаточно родовит, чтобы вообще открывать рот в столь почтенном собрании.

– Кто вы, собственно, вообще такой? – безглаголиво поинтересовались у него.

– Вопрос, недостойный рыцаря и дворянина, – ответил Рыжий Хэк.

– Ответ, достойный черни, – нагло улыбнулся спросивший. – Будь у вас хоть сколько-нибудь значительный титул, вы не постеснялись бы назвать его.

– Свою принадлежность к рыцарскому сословию я могу доказать с оружием в руках, – негромко пообещал Рыжий Хэк.

– Голь перекатная часто дерется на мечах, – пожал плечами «благородный рыцарь». – У людей родовитых и знатных существует масса других обязанностей. В частности, они должны принимать важные решения на собраниях, подобных этому. А любители подраться пусть отправляются на турниры и не открывают рот на собраниях Королевского Совета.

– Вы и не представляете, какое важное решение мне предстоит принять, – негромко, как бы в раздумье проговорил Рыжий Хэк. – Например, кто из вас выйдет отсюда живым, а кто нет. И с оружием в руках такое решение принимать значительно удобней.

Ревнитель чистоты родословных испуганно замолк, а Хэк

мысленно выругал себя последними словами за то, что не сдержался.

У принцессы, конечно, были сторонники – и немало... но узнав, кто именно стал ее избранником, многие от нее отшатнулись.

Тем более, что постоянно вставал вопрос о других претендентах, и никто не мог ответить – а Рыжий Хэк мог, но не хотел – куда же они все подевались. Выглядело это все... ну, скажем так – подозрительно.

Просоветовавшись несколько часов, Королевский Совет так и не пришел к мнению, ну что же ему такого решить по данному вопросу. И мудро решил ничего не решать. Так оно как-то спокойнее, знаете ли...

Самый родовитый и важный предложил отложить дело до выяснения, куда подевались остальные претенденты на престол – а пока все это будет выясняться, назначить его, как самого знатного и уважаемого, Местоблюстителем при королевском троне.

– Кошмар! – сказала принцесса Оанхиль. – Этот еще хуже отца.

– Ну... проживет он гораздо меньше, – утешил ее Рыжий Хэк, и на его лице сама собой образовалась очень неприятная улыбка.

Родовитый Местоблюститель, важно поводя глазами по сидящим перед ним членам Королевского Совета, вдруг наткнулся взглядом на эту улыбку. Наткнулся – и замер. Ка-

залось, он разучился дышать. Яростно рванув тесный ворот своего пышного одеяния, он устави́л палец на Рыжего Хэка и уже открыл было рот, намереваясь что-то сказать – но тут запертая дверь Зала Королевского Совета внезапно с грохотом влетела вовнутрь. Вслед за дверью в зал влетели двое стражников. С лязгом теряя оружие и доспех, они с маху приземлились на собственные металлические зады, да так и остались сидеть. Наступила зловещая тишина.

Обернувшись на грохот членам совета был виден только участок полутемного коридора, ведущего в Зал Совета, да громадная темная фигура, недвижно стоящая в нем. В невероятном молчании фигура шагнула в зал.

– Седой! – прошелестело по залу ледяным ветром.

– Мертвец! – прошуршала паническая волна.

– Мертвый пришел... мертвый... – вторило эхо.

– Это он за королем пришел! – пискляво выкрикнул кто-то. – За королем! Не за нами! Не за нами... Не за нами?

– Короля здесь нет! – подхватил другой. – Нету его! В покойницкой он лежит! В покойницкой!

Фигура стояла молча.

Не двигаясь.

Но Рыжий Хэк мог бы поклясться, что она дышит. Значит – живой. Кто бы он ни был – живой. Не призрак, не колдовской морок. Обычный человек, пусть и наделенный немалой силой, но – живой. Живые не являются большой проблемой.

Рыжий Хэк видел перед собой громадного, сходного с медведем воина. Совершенно седые волосы длинными прядями ложились на плечи. Густая серебристая борода почти скрывала лицо, словно бы вырезанное из древесных корней. Но самым удивительным был длинный плащ. Тяжелая, почти непробиваемая кольчуга работы северных гномов – вот из чего был изготовлен плащ этого воина. Точней говоря, кольчуга эта изначально делалась как плащ, причем делалась именно для этого воина.

«Сколько же должна весить такая штука?» – подумал Рыжий Хэк. – «Ну и дядя!»

Рыжий Хэк был потрясен – но, в отличие от всех остальных, отнюдь не испуган. Откуда ему было знать, что этот невероятный плащ вошел во многие воинские поговорки Аргелла, а самого герцога задолго еще до того, как его стали звать Герцогом Седым, прозывали Герцог Стальной Плащ – и не было в Аргелле воина, равного ему в доблести. Именно этот плащ заметал мрамор дворца, пока личная гвардия герцога вежливо просила королевскую охрану «пойти и выпить за здоровье Его Светлости!» Королевская охрана сочла за лучшее не спорить. С такой убедительной штукой, как холодная сталь, ну совершенно невозможно спорить. Тем более, что король умер, и на его месте все еще никто не здравствует. Так кого охранять? Всех этих претендентов и членов совета? А если герцог станет королем? Нет, это понятно, что не положено... ну а – ЕСЛИ? И что тогда? Нет уж,

лучше быть пьяным и живым, чем трезвым, но покойником. Королевская стража с достойным удивления мужеством удалась, и теперь дворец был, по сути, в руках Седого. И это от его решения зависела дальнейшая судьба Аргелла.

Рыжий Хэк услышал шум во дворце и быстро догадался о его происхождении.

«Вот тебе и справился с заданием!» – подумал он. – «Нет, ну надо же было такого дурака свалить!»

– Кто это такой?! – шепотом спросил он у Роади.

– Герцог... – чуть приметно заикаясь, ответил тот. – Герцог Седой. Мертвец.

– На мертвеца он не похож. – ответил Рыжий Хэк. – Со всем. А вот на будущего короля Аргелла похож гораздо больше, чем бы мне хотелось. Его люди только что расправились со стражей. Кто он такой? Ну же, быстро.

– Прославленный воин. Полководец. В сражении ему нет равных. Лимеа казнил его сыновей... по обвинению в измене... но измены не было. Герцог был в походе. Жена умерла от горя... он вернулся – и никого... – глотая слова, заторопился Роади. – Он отказался от места... плюнул на пол... ушел... хотевший на его место в совете... поскользнулся... шею сломал на плевке... теперь только сорок три члена совета... место герцога свободно. Лимеа объявил о его смерти – значит, неправда... Раньше еще герцог заперся у себя, король ходил с войском, но... потом значит, и появились эти слухи о смерти герцога...

– Герцог ненавидел короля, – сказал Рыжий Хэк. – Но свергать не стал. Почему?

– Не знаю, – ответил Роади, неотрывно глядя на герцога.

– Да живой он, живой... – вздохнул Рыжий Хэк. – А лучше бы – мертвый... мертвый не может претендовать на трон. Оставайтесь пока здесь, – добавил он, поднимаясь с места и направляясь к неподвижно застывшему герцогу.

Герцог и впрямь стоял неподвижно. Как скала. И так же неподвижно сидели перепуганные насмерть члены королевского совета. Вот только похожи они были не на скалы, а на диковинные грибы, вдруг выросшие прямо посреди Зала Королевского Совета.

Рыжий Хэк медленно приближался к Герцогу Седому, на ходу примериваясь, как его в случае чего убить.

«Вот это претендент!»

– Здравствуйте, детки! – внезапно раздался голос Герцога Седого. – Я – злая фея! Меня забыли пригласить. Но я все равно пришел. С подарками. Это добрые феи могут забывать свои подарки дома. Злым феям ни в коем случае этого делать не следует.

Его глаза еще раз obeжали зал и остановились на Рыжем Хэке. Брови герцога удивленно поползли вверх.

– Что ты здесь делаешь, солдат? – спросил он. – Могу поспорить, что смертная невесомость меча знакома тебе так же хорошо, как и потная тяжесть пешего перехода. Что ты делаешь среди этих кремовых пирожков с дерьмом?

– Пытаюсь их не есть, – улыбнулся Рыжий Хэк. – Противно же...

Он теперь стоял почти рядом с Седым Герцогом. За его спиной медленно приходили в себя члены Королевского Совета. Им казалось, что все еще можно поправить. Они покуда верили, что контролируют ситуацию. Вот сейчас прибежит стража. Вот сейчас...

Веселый, звонкий и какой-то лихой голос герцога понравился Рыжему Хэку.

«Человек с таким голосом не может быть совсем уж откровенным мерзавцем.»

А кроме того Рыжий Хэк внезапно понял одну очень важную вещь. Ну, не совсем чтобы понял... скорее, вспомнил кое что, а также догадался кой о чем. Ему бы только суметь переговорить с герцогом с глазу на глаз. Возможно, они поладят. Почему обязательно – враг? Быть может – союзник?

Когда Рыжий Хэк еще только прибыл в Аргелл, когда он только еще пришел к выводу о необходимости смены здешнего короля, когда он только еще собирал информацию... среди прочего ему удалось прочитать тайный дневник покойной королевы. Там очень смутно говорилось о том, кто именно был настоящим отцом принцессы Оанхиль. Очень смутно. Королева явно боялась доверить такую тайну даже скрытому от всех глаз, спрятанному надежней надежного манускрипту. Тогда Рыжий Хэк не понял намеков, не мог понять. Так... поэзия... стихотворные образы... Тогда – не по-

нял. Теперь же...

... высокий воин с добрыми руками, в кольчуге чуть звенящего тумана... в плаще блистающем, от смерти берегущем...

Поэтический образ? Как бы не так! Северные гномы действительно называют свое кольчужное плетение «туманом»! И не так много в мире воинов, носящих кольчужный плащ. Вот Рыжий Хэк ни одного не знает! А вроде не вчера родился.

Вот такие-то дела.

Старый король и молодая королева. Старый король пьет и веселится с фрейлинами. А молодая королева? Она даже наследника родить не может. Старый король ее не посещает! Он не собирается обзаводиться наследником. Он будет жить вечно. С безумцами это случается.

А юного короля все нет. И никто не пытается взять штурмом опустылевший королевский замок. Юного короля нет... зато есть старый герцог. Он добр. Он все понимает. Он хороший. Он... А двое его сыновей – чем не королевичи? Так. Герцог был женат и жену любил. Кто-то из сыновей? Но нет, вряд ли кто из них носил звенящий кольчужный плащ. Не так уж много подобных плащей. Сам. Жену любил, а королеву... пожалел? Или тоже полюбил. Всяко бывает. И у королевы появилась дочь, а у короля – подозрения. Сыновей герцога король казнить велел. Жена герцога умерла. Сама? Или помогли? Свою жену король просто убил. Даже не пря-

тал этого толком. Об этом все, кому не лень, шептались. Интересно, знает ли герцог, что принцесса – его дочь? А если знает... что он вообще собирается делать?

Он бесспорный хозяин положения. Что дальше? Чем обернется его молчание? Члены Королевского Совета уже опомнились от первого шока. Скоро самые умные сообразят, что для призрака герцог ведет себя несколько странно – ни стонов ни завываний, ни прочих зловещих действий. Каким будет следующий ход Седого?

– После поговорим, – коротко бросил Седой.

– После, – согласно кивнул Рыжий Хэк и отступил в сторону.

Герцог распахнул плащ и одним движением выхватил огромный меч.

Зал ахнул.

Дернулся.

И замер.

– До меня дошли сведения, будто отдельные нехорошие подданные отличаются настолько дерзким и неблагоприятным поведением, что отказываются присягать законной наследнице, – мягким насмешливым голосом произнес Герцог Седой.

При этом он устремил на самозванного Местоблюстителя, все еще стоящего посреди зала, такой взгляд, что у знатного родовитого вельможи попросту ноги отказали. Он тихо сполз на пол, не в силах оторвать взгляда от ужасного гер-

цого.

– Призрак... – одними губами произнес он, силясь поднять руку для знака, отгоняющего наваждения – но рука не поднималась. Он шептал очень тихо, так что даже сам едва слышал – но, видать, у герцога был очень чуткий слух.

– Да! – язвительно усмехнулся тот. – Я нарочно выкопался из могилки и прибыл, чтоб не дать свершиться несправедливости.

– Мертвец! – еще раз метнулось по залу. – Мертвец! Мертвец!

– Предлагаю всем добрым подданным последовать моему примеру, – проговорив эти слова, герцог нашел глазами принцессу и отсалютовал ей своим мечом.

«Нет», – подумал Рыжий Хэк, глядя на преклонившего колени герцога, по всем правилам присягающего принцессе. – «Не буду я ему ничего говорить. По крайней мере пока – не буду.»

Оанхиль наклонилась к герцогу и что-то прошептала ему на ухо. Герцог удивленно приподнял брови. Посмотрел на Роади. На Оанхиль. Опять на Роади. Снова на Оанхиль. Маленький кулачок принцессы – то есть уже не принцессы, а Ее Величества Королевы – с размаху треснул герцога по плечу. Принцесса схватилась за ушибленную о кольчугу руку, а герцог усмехнулся и что-то спросил у Роади. Тот усмехнулся и ответил.

Ай да Роади! Глаза в глаза. Без страха.

Усмешка герцога стала шире, он коротко хлопнул Роади по плечу своей тяжелой ручищей – и тут же принес при-
сягу Его Величеству Будущему Королю.

Потом герцог встал и выразительно посмотрел на зал. Очень выразительно. Первой в себя пришла какая-то фрей-
лина. Завопив от восторга, она бросилась на колени перед
Их Величествами – и встала графиней. Представители пар-
тии принцессы поспешили следом. За ними тяжело потяну-
лись остальные. На герцога они старались не смотреть.

«Местоблюститель» с горсткой прихлебателей постарал-
ся незаметно выбраться из зала, но у входа его встретила не
подвластная ему королевская охрана, а люди герцога. Дрожа
от ужаса, он бросился в ноги Их Величествам, моля о про-
щении. Его свита последовала за ним. Их Величества пере-
глянулись.

– Казнить! – прорычал герцог, но осекся и, обернувшись
на молодых короля и королеву предложил. – Лишить всех
званий и привилегий и выгнать за границы Аргелла?

– Пустое, герцог, – вдруг сказал король Роади. – Я мило-
серден, но... не до такой степени. Они обязаны исправить
хоть что-то из того, что сотворили за эти годы. И я лично
прослежу, чтоб их жизнь не была легкой.

– Но... Ваше Будущее Величество! Они же враги! – воз-
мутился герцог. – Они предадут при первой же возможно-
сти!

– Я не дам им такой возможности, – ответил король.

– Помните! – обратился Роади к дрожащим мерзавцам. – Меч герцога все еще занесен над вашими головами!

– И лишь милостью ваших великодушных монархов вы живы, – добавил герцог. – Бойтесь прогневать их хоть в самой малости, потому что тогда мой меч опустится.

Дрожащими голосами бывшие фавориты покойного короля принесли присягу своим новым владыкам.

– Идите! – приказала Оанхиль и пощаженные уползли прочь.

– Сейчас они лижут пальцы, – сказал герцог. – Но уже мечтают откусить руку. Ваше Величество, зачем они Вам?

– Даже предателей и врагов можно использовать, – заметил Роади. – Они хотят предавать? Прекрасно. Пусть предадут. Важно организовать события так, чтоб их предательство пошло на пользу Аргеллу.

– Хм... Вы... потрясающе практичны... Ваше Величество, – ошарашено выдавил герцог.

– Скорей сентиментален, – вздохнул Роади. – Я слишком хорошо знаю их всех. Слишком ненавижу. Чересчур. Нельзя так. Я не воин. И я боюсь упиться кровью. Это ведь так легко. Особенно если не сам... если чужими руками... Боюсь. Боюсь стать гнусным трупоедом. Мне ведь многим охота отомстить. И что? Я буду просить об этом Вас, а Вы – убивать их для меня?! Но разве ТАК – правильно?..

– Не знаю, – честно признался Герцог Седой. – Я никогда не думал о подобных вещах. не приходилось как-то.

– Если вырвать у змеи ядовитые зубы, она ведь не перестанет быть змеей, – сказал Роади. – Просто она станет бесполезной змеей. Убитая змея тоже не перестанет быть змеей – она будет мертвой змеей, только и всего. Гораздо лучше, чтоб оставаясь змеей и желая укусить нас, она ошиблась и цапнула наших врагов.

– У Вашего Величества есть враги более могущественные, чем эти? – тихо спросил герцог.

– А Вы как думаете, герцог? – так же тихо промолвил король Роади. – Есть у Аргелла враги? Или тех, кто разрушает наши крепости и наводняет наши земли своими магами, пользуясь сомнительным договором о мире, следует считать союзниками? Они просили всего лишь прохода, но они не ушли...

– Они все еще идут, – сказал герцог.

– И ведут себя как хозяева, – добавил Роади.

– Они слишком сильны, – заметил герцог.

– Если биться с ними лицом к лицу, – проговорил король.

– О! – только и сказал герцог.

– Пусть их кусают змеи, – улыбнулся король. – Нам понадобится много змей, герцог. Очень много.

– А кем Вы видите меня? – полюбопытствовал герцог.

– Змееловом, разумеется, – усмехнулся король.

– Но не только, – подходя, добавил Рыжий Хэк.

– Солдат? – удивился герцог. – Ты – единственный – не присягал. Почему?

– Я присягал другому монарху, – ответил Рыжий Хэк. – Но я союзник – и смиренно прошу возрожденный Аргелл о союзнической помощи.

– Так ты – посол?! – воскликнул герцог.

– В некотором роде, – усмехнулся Рыжий Хэк. – Мои полномочия более широкого свойства. Я думаю, нам стоит побеседовать с глазу на глаз по окончании всех приличествующих случаю церемоний.

Вот так и случилось, что наиболее боеспособные воины Аргелла, личная гвардия Седого Герцога во главе с ним самим, оказались у короля Эруэлла раньше, чем даже отобранные Усатым Могилой гвардейцы короля Найрита.

Тенгере открыл глаза, и движение его ресниц разбудило ее.

«Моя жена», – нежно подумал он. – «Бывает же.»

Сквозь черные кудри, водопадом рассыпавшиеся по его груди, в глаза дерзко смотрело рыжеволосое солнце. А потом Богиня подняла голову с его груди, и ее улыбка затмила нахальное светило.

– Здравствуй, – промолвила она, и ему показалось, что весь мир вопит от восторга.

– Я люблю тебя, – ответил он, и ей показалось что дождь вновь касается ее своим звездным дыханием.

Наверно, так оно и было.

– Люблю, – повторил Тенгере.

– А я – тебя, – кивнула Богиня. – А на носу у тебя сидит солнечный зайчик. – Она зевнула, потом хихикнула. – Ты злой и жестокий муж! Нельзя бедной девушке совсем не давать спать...

– Это кто кому спать не давал? – радостно возмутился Тенгере. – Ах ты, врушка!

– А я Богиня. Мне можно, – она показала Тенгере язык. – Боги, они знаешь, какие? Они существа гнусные, мерзкие, противные и аморальные к тому же. Разве ты не знал?

– Какой кошмар! – восхитился Тенгере. – Где была моя голова?!

– Там же, где и все остальные части тела! – расхохоталась Богиня.

– Значит я попался, – комично развел руками Тенгере.

– Попался, попался! – весело подтвердила Богиня. – До самой смерти.

– А чего ты вся, как кошками царапанная? – вдруг спросил Тенгере.

– А я люблю с ними царапаться, – ответила Богиня. – А ты чего, не разглядел меня вчера, что ли?

Она тут же вскочила, принимая наиболее эффектную, по ее мнению, позу.

Разглядел, – любуясь ответил Тенгере. – Вот только царапин почему-то не заметил. И сейчас не вижу, потому что на тебя смотрю, а не на царапины.

– Ну так и что?

– Да ничего, наверное, – пожал плечами Тенгере. – Просто ребята... ну то есть ученики магов... болтали что у богинь самая шелковистая кожа... и все такое...

– Это к моей бабушке, – ответила Богиня. – У нее действительно – самая... но ей по должности положено. А я... конечно, я могу наколдовать себе такую, но тогда это буду уже не совсем я, то есть я, конечно, а только... понимаешь, это все равно что заниматься любовью в одежде. Эта знаменитая шелковистая кожа – все равно что платье. А мне нравится чувствовать твое тело.

– То-то я удивлялся, отчего это боги так любят разгуливать неодетыми, – кивнул Тенгере.

– На самом деле они одетые, – сказала Богиня. – Таких кож у каждого бога или богини – семь штук. И снимают их только перед теми, кому доверяют. Я жутко всех разозлила, когда сняла все, напялила кольчугу и отправилась к тебе. Но мне хотелось, чтоб между нами ничего не находилось.

– Я понял, – очень серьезно кивнул Тенгере. – Ничего, кроме нас. Спасибо тебе.

Светлые Боги Фарин и Арилой отчаянно резались в черный покер, безбожно ругаясь из-за каждого хода и запивая восхитительные переживания дорожным пивом «Владыка Преисподней» из личных запасов самого Зикера.

Означенный великий маг, пройдоха, плут, обманщик каких мало, ясновидящий, убийца и просто хороший человек

задумчиво сидел в собственном кресле и меланхолично плевал в потолок.

Некоторые плевки исчезали, не достигая потолка. Некоторые возвращались обратно. Тогда они исчезали, не достигая Зикерова глаза. Некоторые попадали в левитирующего неподалеку крокодила. Тогда крокодил переставал насвистывать какой-то фальшивый мотивчик и начинал ругаться. Зикер только головой качал, поражаясь его обильному словарному запасу, и вновь возвращался к прежнему занятию. Большинство плевков, однако, просто повисали в воздухе, образуя надпись: «АРХИМАГ – ДУРАК!»

Что-то готовилось. Что-то неведомое тяжело стучалось в закрытые двери. Что-то тяжелое шло из невообразимой дали, прогибая самую ткань миров. Шло, чтобы вмешаться. А еще что-то глухо копошилось где-то там, внизу. В таинственном запределье.

Зикер знал, что есть события за гранью событий. Есть случайности, неподвластные ни одному магу. Есть будущее, которое не разглядеть ни в один хрустальный шар. Ни один ясновидящий его не увидит.

Оно еще идет. Еще не свершилось.

Зикер отдыхал перед битвой. Он собирался насмерть стоять за все завоеванное. Демоны, вновь ставшие Богами. Летучий крокодил. Женатый ученик.

Что бы там ни было. Откуда бы оно ни явилось. Зикер своего не отдаст.

– Мне кажется, они собрались петь и плясать до ночи! – насмешливо заметил Мур.

– Не может быть! – Курт с ужасом посмотрел на верующих в него, после чего зажмурился и старательно потряс головой.

– И не надейся! – усмехнулся Мур. – Не поможет.

Курт открыл глаза и убедился в правоте друга.

Не помогло.

Верующие в него по-прежнему веселились, а самому ему было отнюдь не весело.

– Послушай, Мур, а на какое время нас... этот... ну, как его... черный маг который... – запинаясь, начал Курт.

– Ты про Зикера? – уточнил посох.

– Да. Про него, – кивнул Курт. – На какое время он снял приступы?

– На неделю, – промолвил посох.

– В таком случае у меня есть хорошая мысль: давай убежим отсюда, – предложил Курт.

– Мысль неплохая, но... – замялся посох.

– Разве есть какое-то «но»? – прошипел Курт, глядя на счастливые лица танцующих. – Нам же в Джанхар нужно!

От волнения он повысил голос и, тотчас вскинув голову, испуганно всмотрелся в зал. Верующие в него должны были бы слышать. Ведь считается, что верующие должны стараться ловить каждое слово своего Бога. Однако они были глухи ко всему, кроме своей веры. «Отец Наш Сиген» не мог

произнести этих слов – значит, он их не произносил. Что ж тут непонятного? Если чего-то не может быть – значит, его и не было. О чем тут еще говорить?

– Конечно, нам нужно в Джанхар, – вздохнул Мур. – Вот только в ближайшее время нам туда не попасть.

– А я думаю – попасть, – не уступил Курт. – Я хорошо помню ту крепость. Стены. Ворота. Я перенесу нас туда. Вот увидишь.

– Прямо сейчас? – спросил Мур.

– Прямо сейчас, – решительно проговорил Курт. – У меня от их пения скоро голова лопнет.

– А по мне – так неплохо поют, – заметил Мур.

– Может, и неплохо, но чем скорей мы будем в Джанхаре, тем лучше, разве нет?

– Да, – сказал Мур. – Ты прав, конечно.

– Тогда я начинаю.

– Пробуй, – негромко сказал Мур. – Только...

– Что... только? – насторожился Курт.

– Ты... не очень огорчайся, если не получится, – сказал посох.

– Не получится? Почему? – пробормотал Курт, глядя на улыбающиеся лица. – Обязательно получится. Сейчас. Приготовься.

– Готов, – пробурчал Мур. – С тобой я всегда готов... к чему-нибудь эдакому... это, знаешь ли становится привычкой.

Курт закрыл глаза. Сосредоточился. Отчетливо представил себе джанхарскую крепость – вплоть до последней трещинки в ее фиолетовых стенах. Вплоть до последней медной заклепки в ее могучих воротах. Вплоть до... он уже ощутил землю у себя под ногами, влажный ветер, лежащий на щеках, он уже открыл глаза и увидел грозное сияние крепостной защиты прямо перед собой. Он уже...

– А ты мне не верил! – успел сказать он, обращаясь к Муре.

И чудовищный рывок швырнул его обратно.

– Ох! – только и сумел сказать Курт, с треском приземляясь собственным задом – честное слово, уж лучше бы чужим! – в собственную, еще не успевшую раствориться и остыть в камне, тень.

Постамент, на который он приземлился, основательно поддал ему каменным коленом, а верующие в него... верующие в него, разумеется, ничего не заметили. Их «Отец Наш Сиген» просто не мог треснуться задом о постамент – а значит, они были не в состоянии увидеть, как брызги этого треска кустами взметнулись вокруг их ошарашенного божества.

– Ну, так и есть, – огорченно констатировал Мур.

– Что «так и есть»?! – выдохнул Курт.

– Твоя магия, – сказал посох. – Раньше у тебя были неприятности, потому что ее не было. Теперь она есть – а неприятности... может, это просто твой стиль?

– Сам такой! – огрызнулся Курт. – Объясни лучше, что

произошло.

– Твоя магия уже вполне проявилась, – проговорил по-сох. – Она громадна, если тебе это интересно. Но ты не слишком умеешь ею управлять. Вера этих людей тоже в какой-то мере – магия. Они верят что ты – их бог. Их вера поймала тебя. Она управляет твоей магией, понимаешь? Их вера отлично знает, что ей нужно – не то, что ты! Поэтому она захватила твою магию и диктует ей свои, в сущности, очень простые требования. От бога ведь немного требуется. Главное, чтоб он был.

– Ужасно, – сказал Курт. – И что теперь? Я так и останусь воплощением этого... Сигена? Или что-нибудь все-таки можно придумать?

– Магов иногда принимают за воплощения каких-то богов, – задумчиво промолвил Мур.

– И что?

– Им приходится нелегко. Они попадают в заколдованный круг. Чужая воля начинает контролировать их магию.

– А они не пытались объяснить? – мрачно поинтересовался Курт. – Ну, сказать всем, что никакие они не боги.

– Верующие обычно глухи к голосам собственных богов, – печально сказал Мур. – Они всегда придумывают удобное им толкование и никогда не слышат того, что действительно хотят поведать им боги. Особенно если это не боги...

– Так вот отчего боги гnevаются... – потерянно произнес Курт.

– Я же говорю, что твой путь обретения силы – это нечто, – усмехнулся посох. – Успокойся. Выход есть.

– Хочешь сказать – я могу просто встать и уйти?! – обрадовался Курт. – Не применяя магию, да?

– И первая же попытка ее применения вернет тебя обратно, – заметил Мур. – Если только кому-нибудь из этой толпы не придет в голову раньше того как следует помолиться. Тогда даже и без магии обойдется.

– Но что же делать?

– Не торопиться, – усмехнулся Мур. – Перестать болтать ерунду и слушать старого мудрого меня.

– Слушаю, – вздохнул Курт.

– Уйти просто так тебе не удастся, – начал посох. – Их вера уже поймала тебя за магию. И так легко не отпустит.

– Но... тогда как?

– Ты должен выполнить их самые насущные требования, – поведал посох. – Устроить какое-нибудь впечатляющее чудо. Наложить какой-нибудь не слишком страшный запрет. А потом объявить о своем торжественном отбытии. Устроить красочное празднование прощания и под шумок сбежать.

– У нас шесть дней, – напомнил Курт. – Потом приступы вернутся. Через шесть дней мы должны быть в Джанхаре.

– Нужно успеть, – сказал Мур.

– Тогда не будем тратить время, – проговорил Курт. – Знать бы еще, как остановить эту... церемонию, что ли?

– Ну, вообще-то считается, что именно ты тут главный, –

усмехнулся посох. – Требуй.

– Думаешь, услышат? – усомнился Курт.

– Не сразу, – поразмыслив, ответил Мур. – Считается, что это ты обязан выслушивать их молитвы и славословия, им же слушать тебя совершенно не обязательно. Но ты не унимайся! Требуй громче. А еще лучше – присоединись к хору и спой что-нибудь им в ответ.

– Может, мне еще и сплясать?! – рассердился Курт.

– А что?! Неплохая идея! – обрадовался Мур – Ты – гений. Действуй!

– Сам такой! – огрызнулся Курт, но все же встал и сделал шаг навстречу своим верующим.

Подхватив под руки самую бойкую старуху, Курт закружился в стремительном танце.

«Ну и ну!» – подумал он, чувствуя, как размашисто скользит под ногами пол. – «Танцы у них, однако! В самый раз ноги переломать! Интересно, смогут ли они верить в Бога с переломанными ногами?»

Курт перетанцевал со всеми бабками и дедками, а также со всеми парнями и девками, наводнявшими танец. Некоторые девицы прижимались к нему так призывно, что он окончательно смешался и пару раз чуть не уронил посох. Он неоднократно пытался обратиться к своим возлюбленным чадам, но они пели так громко, славили его так старательно, так самозабвенно, что просто не замечали его, не слышали.

Он пытался пропеть свок обращение к ним, но когда один

человек поет: «Ребята, изложите свои просьбы по одному!», а все остальные хором тянут: «Славься!», то, разумеется, у этого одного ничего путного не выходит. Не услышит его никто.

В конце концов Курт смирился. Пел, плясал, праздновал вместе с остальными. А потом нашел у жреца еще одну бутылку вина. Выпил ее – и очнулся утром с такой тяжелой головой, что ее даже подымать не хотелось.

Когда они вошли, трактирщик закончил протирать стаканы. Он только что проводил за дверь теплую компанию ронских магов и теперь вовсю радовался жизни. Нет, ну вот ведь как хорошо! Снизу – земля, сверху – солнышко. Круглое. И эти... маги проклятушие... не убили же! Честное слово, живой!

Трактирщик осторожно нащупал правую руку левой, проверяя свое наличие в окружающем мироздании. Наличие имело место.

Живой.

А что не заплатили, так это... ерунда, а в сущности. Ерунда. Не в деньгах счастье. Не в деньгах. Вот.

Придя к такому потрясающему умозаключению, трактирщик дрожащей рукой налил себе полный стакан своего лучшего вина и единым махом опрокинул его в себя. Дорогущее, зараза! Но... для живого себя – ничего не жалко. Ничего. Честное слово.

Трактирщик уже собрался было повторить подвиг щедрости, но тут открылась дверь и тихо вошли они. Трактирщик так и не понял, сколько их было. Они все входили и входили. Трактирщику казалось, что им не будет конца. Они входили – и солнечный свет умирал, соприкасаясь с ними. Но спасительная тьма не опускалась взамен. Место теплого солнечного света занимала белая мгла. Ледяная и жуткая. А они все входили и входили... и трактирщик не мог сказать, сколько их уже вошло. Он просто стоял и молился всем Богам, каких знал. Даже тем, в которых не верил. Он просил Богов, чтобы входящие, наконец, вошли и закрыли дверь. Быть может, тогда он вспомнит, как дышать – а иначе ему не жить. Те, кто не дышит, обычно умирают.

Кошмар. А ему казалось, что страшнее ронских магов ничего и на свете не бывает. Как же.

Трактир заполнился до отказа, и дверь захлопнулась.

– Садись, – приказал кто-то, и вошедшие быстро и дисциплинированно сели.

Трактирщик умудрился затолкать в себя небольшой комок воздуха и теперь пытался повторить эту полезную для здоровья процедуру.

– Трактирщик! – продолжил тот же голос. – Еды на всех!

– Что прикажут уважаемые господа? – стараясь не дрожать, спросил трактирщик.

– Вино и мясо, – прозвучал ответ. – И шевелись! Повелитель не должен ждать.

Содрогнувшись от непередаваемого ужаса и наконец-то сумев как следует вздохнуть, трактирщик опрометью бросился выполнять приказ.

– Эй, кто там! – придушено заорал он на попрятавшуюся от греха прислугу. – Живо сюда, вы! Убью, зарежу, а потом уволю без выходного пособия!!!

– Хорошая идея! – воскликнула его лучшая служанка, опрометью убегая через заднюю дверь.

– Главное – своевременная! – добавил старший повар, улепетывая следом, прямо в чем был, даже не переодевшись.

Трактирщик с тоской посмотрел, как развеваются узорчатые полы его поварского халата, как смешно подпрыгивает его треугольный поварской колпак, и вздохнул.

«Хорошо им. Они себе везде работу найдут. А мне бежать некуда. Это мой трактир.»

– Ну, чего стоите? – бросил он второму повару и двум оставшимся служанкам.

– Мы с вами, хозяин, – ответили те.

– Тогда живо тащите вино и мясо из погребов! – рявкнул он. – И не дрожите так. На столы... сам подавать буду.

– Но... – жалобно пискнула одна из девиц. – Эти... они так смотрят, словно вот-вот съедят!

– Вот поэтому и нужно накормить их досыта! – рявкнул рассерженный трактирщик. – Чтоб не съели. Бегом, дуры!

Обрадованные тем, что в зал им идти не придется, девицы мигом притащили все, что следовало. Второй повар от них

не отставал.

«Я даже не думал, что он такой здоровый», – отрешенно помыслил трактирщик, завидев, как повар единым духом доволоч из подвала тяжеленный бочонок вина. – «Да его ж втроем катить нужно!»

Тут же, хлопнув себя по лбу, трактирщик кинулся за кувшинами.

«Стою тут, разинув рот, а эти-то... не приведи Боги, если осерчают! Ведь и впрямь – сожрут!»

Сжав зубы и стараясь не глядеть на ужасных посетителей, трактирщик обнес их вином и мясом.

«Только бы ноги не подвели!»

Собрав всю волю в кулак, он поинтересовался не желают ли восхитительные господа какого-нибудь гарниру. Есть замечательные салаты. Изумительный картофель. А еще...

– Мы этого не едим, – ответил все тот же голос.

«А остальные что – немые? Верно, что так. Не иначе. Гарниров не едят. Да что ж это делается-то, люди?!»

Посетители молча пережевывали мясо, запивая вином. Молча и монотонно. Их однообразные движения завораживали.

«Не смотреть на них. Только не смотреть. Это главное.»

– Подойди, – велел голос.

Трактирщик вздрогнул и повиновался.

– Протяни руку.

Протянул.

Ладонь дрогнула от тяжести кошель.

– Золото, – произнес голос. – Повелитель хорошо платит тем, кто оказывает гостеприимство его слугам.

«Даже если там серебро – я в барыше!» – мелькнуло в мозгу трактирщика.

– Благодарю, господин, – трактирщик склонился в низком поклоне.

– Благодарю моего Повелителя, – отозвался тот.

– И его тоже! – кланяясь пробормотал трактирщик, а сам скрутил в кармане кукиш.

«Кто знает, что вы за птицы, но упаси меня Боги от вашего Повелителя!»

И в этот момент снаружи послышался топот копыт.

«Много лошадей», – с тревогой подумал трактирщик. – «Армия, небось. Или опять маги.»

Ему стало очень интересно, что случится, если новые гости сунутся в трактир. А ведь сунутся. Как пить дать, сунутся. Жрать-то всем охота, а другого трактира поблизости нет. Нет и не было никогда.

Ну... точно!

Грохнула дверь, и сочный увесистый гомон с треском ворвался в трактир.

– Все вон! – с порога взревел кто-то. – Освободить место для гвардии Его Величества!

На ослабевших ногах трактирщик доплелся до стойки. Опустил в укромный уголок кошель с деньгами.

«Жив останусь – заново трактир отстрою!» – подумал он.

После чего сел на пол и накрыл голову пустым мешком. Мешок пах ветчиной. С грохотом и смехом, звеня доспехами, ронские гвардейцы ввалились в зал.

– Я сказал – все вон! – вновь заорал кто-то из них.

– Пива! Вина! Жаркого! – орали другие. – Где хозяин? Шевелись, падла, не то трактир разнесем!

– Уходим, – сказал предводитель нелюдей, сидящих в трактире, и его тихий голос легко заглушил громкие вопли гвардейцев.

Трактирщик сидел, с головой укрывшись мешком, и пытался припомнить хоть одну молитву. Поэтому он не видел, как нелюди внезапно одним общим движением встали. Он не видел, как взлетели тусклые мечи. Как один за другим на пол стали валиться гвардейцы. Один за другим. Один за другим. Изрубленные до того чудовищно, что некоторых нельзя было признать за людей. Немногие, успевшие выхватить оружие, так и не смогли пустить его в ход. Стремительность, с какой действовали нелюди, не оставила их противникам никаких шансов. Трактирщик не видел, как на изукрашенных латах и ярких плащах расцвели чудовищные кровавые цветы. Зато он отчетливо слышал, как грозный рев ввалившихся гвардейцев прорезали короткие вздохи свистящей стали – а потом рев и крики сменились страшным булькающим хрипом, страшным еще и оттого, что он был многоголосым. Впрочем, хрипели гвардейцы недолго.

– Теперь у тебя вдоволь мяса, – произнес все тот же ужа-сающий голос.

Входная дверь хлопнула, и на трактир обрушилась вязкая тишина.

– Так вот они какие... эльфы... – шумно выдохнул второй повар.

Трактирщик стянул мешок с головы и недоуменно уставился на своего работника.

– Эльфы? – спросил он. – Какие еще эльфы?!

– Ну, а кому ж еще такое под силу? – дрожащим голосом спросил второй повар, утирая холодный пот.

– Нет, – затряс головой хозяин, – не эльфы это. Точно, не эльфы. Тех-то я знаю.

Ему не хотелось вылезать из под стойки и смотреть на то, что осталось лежать в зале. На такое нельзя смотреть. Никому нельзя. Никогда. Потому что тот, кто на такое посмотрит, уже никогда не будет прежним. Он должен стать или подонком, или святым. Или сойти с ума. Трактирщик не верил в возможность собственной святости. Сходить с ума ему тоже не хотелось. А третий вариант – ну это уж вообще... как-нибудь без меня, ладно? Трактирщику не хотелось смотреть на то, что лежит в зале. Зачем видеть то, что и так представляешь себе слишком хорошо? То, что даже не увиденное не даст заснуть. Никогда не даст. Совсем никогда. Ну почему я не надумал жениться? Я же теперь вообще не смогу один спать. И никакие девки тут не помогут. Жена нужна. Да толь-

ко где ж ее взять?

Трактирщику не хотелось ничего решать. Слишком много всего. Сначала маги. Потом эти. А потом еще и это. Сырое мясо, тяжело падающее на пол.

«В моем трактире. В моем трактире!»

Трактирщику не хотелось ничего решать. Лучше просто сидеть вот так, глядя на землистое от пережитого ужаса лицо своего повара, и говорить – все равно о чем...

«Нельзя ему убирать эти трупы. Никак нельзя», – подумал трактирщик. – «Монахов каких надо просить. Они святой жизни люди... а с этим парнем мне еще работать.»

– Не эльфы это, – продолжал трактирщик, – с теми-то я куда как близко знаком. Я с ними даже и побродить успел. Это когда молодой был. У меня была одна... ну, ты понимаешь о чем я... такая женщина!... шелковистая вся, в глазах чертики, а бедра-то...

Он потряс головой, чувствуя, что краснеет. Нашел о чем рассказывать наемному работнику! Тоже мне, респектабельный господин. Перцу вам на язык, господин трактирщик! Надо же так разболтаться. Девки, небось, тоже слышали. Будут теперь языками мести.

– Но... если не эльфы... – Второй повар все еще не мог прийти в себя, – Если не эльфы – кто тогда? Я к тому, что мне этих ронских бандюг, положим, не слишком то жалко, но чтобы такой ужас...

– Это люди, – вдруг сказал трактирщик, сам ужасаясь вне-

запности пришедшей в его голову мысли. – Это люди, вот что я скажу!

– Но...

– Это люди, – еще раз повторил трактирщик. – Но они что-то такое с собой сделали. Что-то ужасное. Эльфы нам гораздо ближе. Даже драконы нам гораздо ближе.

Он услышал рядом тихий вздох и поднял голову. Одна из его служанок стояла рядом с ним.

– Бедненький, – сказала она, – тебе нужно прилечь.

«Ну вот. Доболтался.» – подумал он. – «Служанки – и те уже со мной на ты.»

– Пойдем-ка наверх, – сказала девушка.

– Я... боюсь... – храбро выдохнул он.

При мысли о том, что он может заснуть, и сон вернет его в то, что уже закончилось, трактирщика заколотила нервная дрожь.

– Я не могу спать! – почти выкрикнул он. – Совсем не могу! Никогда больше не смогу... – в отчаянии добавил он.

– Я умею прогонять дурные сны, – сказала девушка, помогая бедолаге подняться. – Я немножко ведьма. Правда-правда.

– Это хорошо, – сказал трактирщик, отправляясь наверх. – Это просто замечательно.

«Где бы найти парочку порядочных девушек? Одна, гадюка, сбежала. На второй я, кажется, женюсь. И пусть только попробует не согласиться! Как бы по-тихому от трупов из-

бавиться?»

Уходя он заметил, как обнимаются вторая служанка и повар.

– Закройте хоть дверь, – бросил он им.

– А это кто такой? – зоркие глаза Линарда цепко скользнули по щуплой фигурке юноши в форме солдата комендантуры.

На самом деле юноша был высок и широкоплеч. Как он при этом умудрялся выглядеть маленьким и щуплым – одним Богам ведомо.

Воин старательно тер стену в одном и том же месте так, словно вознамерился непременно протереть в ней дыру.

– Этот – новенький, – вздохнул Винк Соленые Пятки, шедший рядом с Линардом.

– Новенький? – удивился Линард, – На вашего брата разведчика непохож, на пехтуру калеченную – тоже. Одень его в гражданское платье, и я б нипочем не догадался.

– Да он, почитай, гражданский и есть, – досадливо фыркнул Винк Соленые Пятки, – а числится нашим. Разведчиком, то есть. Он, бедолага, едва призваться успел, так на первых же учениях в магическую ловушку и угодил. Куда его? А числится вроде как разведчиком. Там наверху уже знают, что наш командир увечных разведчиком подбирает. Ну и сунули, не подумав. Из него такой же разведчик, как из меня горный дракон.

Ну, это Винк зря. Если из кого и получится самый преотменный горный дракон, так это из Винка Соленые Пятки. А если постараться, то даже и равнинный. И водоплавающий тоже.

– Когда прибыл? – спросил Линард.

– Утром, – досадливо поморщился Винк Соленые Пятки. – Я только собирался прилечь после всего.

– Хорошо вам, молодым. – усмехнулся Линард. – А я вот даже и не пытался. Один черт не смогу, пока все не образуется.

– Так оно когда еще образуется, – обронил Винк Соленые Пятки.

– Скоро, – пообещал Линард, – можешь мне поверить – скоро. Самое трудное позади. Я страшно боялся, что с королями не выйдет дело. А теперь... конечно, трудненько будет. Нам придется руководить окраинами, фактически не имея центра. Ну, окраины нам в конце концов и помогут его достроить... но постепенно, слишком постепенно.

Линард умолк и уставился на новобранца с недоумением, плавно переходящим в возмущение.

– Я не понимаю, что это он делает?

– Кажется, он пытается протереть в стене отверстие, – предположил Винк Соленые Пятки. – Вот только зачем оно ему?

– Безобразие, – сказал Линард. – Как главный уборщик я не могу этого позволить.

С этими словами он решительно зашагал к новобранцу.

– Ты что это делаешь? – весело поинтересовался Санга Аланда Линард, подойдя к юноше.

– Стену отмываю, – ответил тот и покраснел.

– Так в ней же сейчас дырка будет! – с преувеличенным ужасом заметил Линард.

– Дырка? – удивился юноша. – Какая дырка? Зачем?

– Обыкновенная, – окончательно развеселился Линард. – Ты ее сейчас протрешь. Ты так старательно трешь одно и то же место, что она просто не может не появиться.

– Ой! – виновато выговорил юноша, поспешно отдергивая от стены тряпку. – Я не хотел...

– Вот я и думаю, а нужна ли нам тут бойница? – продолжил Линард.

– Извините... – потупился юноша. – Я как-то задумался. Дом вспомнил, и...

– Ничего, бывает, – утешительно проговорил Линард. – Дай-ка покажу, как надо. Вроде и невелика хитрость – стену мыть, а все же и тут свои приемы есть. И зачем, спрашивается, столько сил тратить? Вот, смотри... сначала делаем так. Потом – так. И вот так. Смотри, как выходит. А теперь сам попробуй!

– Так гораздо быстрее! – восхищенно отозвался юноша. – И чище. Спасибо, дедушка!

– Дедушка? – удивился Линард. – Почему дедушка?

– Ну... вы так похожи на моего дедушку... – смутился па-

рень. – Просто он уже умер. Вот я и... простите, я не хотел вас обидеть.

Окончательно смешавшись, он устоял в пол. Его уши полыхали, как сторожевые костры.

– Дедушка, – повторил Линард. – Давненько у меня внука не было. Что ж... быть по сему.

– А... а вы кто такой будете? – внезапно насторожился парень. – Потому как здесь все-таки комендатура и...

– Как это – кто я такой? – шутливо возмутился Линард. – Мы же договорились. Я – твой дедушка. Сам сказал.

– Да я же не против! – огорчился парень. – Но все же здесь есть Господин Военный Комендант, и он...

– Не беспокойся, парень. Все в порядке. Я здесь самый главный уборщик и подметальщик, – успокоил юношу Линард. – Кстати, раз уж мы теперь родственники, давай хоть представимся друг другу. Меня, например, зовут Санга, а тебя?

– Керано, – ответил юноша.

– Ну, вот и отлично, – проговорил Линард. – А теперь... не сбегашь ли ты за пирожком для дедушки, а заодно и для себя? Слышишь, как разносчик надывается? Поедим малость, тогда и закончим с уборкой. Вместе оно веселей пойдет.

Дорога, по которой скакали выбравшиеся из трактира нелюди, шла под уклон. Она давно свернула в сторону от ос-

новного тракта, становясь все более заброшенной, неезженной и дикой. И хотя был день и на небе ярко светило солнце, сквозь него, казалось, проглядывала бледная, будто бы выпитая луна. А может, и не луна даже. Словно бы взгляд чей-то, мутный и страшный, тускло светил над этой дорогой. А вокруг него, в небе, зыбкими неверными чертами лезли сквозь ясную синеву черные дыры неправильных звезд.

Дорога чем дальше, тем больше уверенно превращалась в тропу, а тропа змеей скользила в непроходимые гиблые болота. Когда-то здесь была развилка дорог. Одна дорога отсюда вела в Рионн, другая в Аргелл. Потом пришли болота. Наползли неожиданно и пожрали старые дороги. Маги их какие наслали или само так получилось, никто уж и не упомнит. Давно дело было. Люди проложили другие дороги. В обход болот. А эти остались лишь в сказках стариков да в песнях менестрелей.

Не каждому дано пройти исчезнувшими путями. Нелюди были способны на это. Властью своего Повелителя они могли совершить и не такое. Темный Бог хорошо позаботился о своих прислужниках. Отобрав у них право зваться людьми, он много чего дал им взамен. Магами они не были – но против силы их амулетов устоял бы далеко не каждый маг. Вот почему они смело гнали коней вперед – даже и тогда, когда тропинка давно исчезла из виду. Их кони бежали по гиблой трясине с той же легкостью, что и по твердой земле. Добравшись до развилки, они остановились. Предводитель разде-

лил своих людей на две группы. Одни направлялись в Рионн перехватить гвардейцев короля Найрита, посланных на помощь королю Эруэллу. Другие двигались в Аргелл, наперерез гвардии Седого Герцога.

– Уничтожить всех до единого! – напутствовал их предводитель.

Сам же он, постояв немного и поглядев на удаляющихся приспешников, коснулся амулетом своего лба и тут же исчез. Он собирался перехватить короля Эруэлла, возвращающегося от королевы Шенген. Проникнуть внутрь чужого портала – нелегкое дело даже и для мага. Однако амулеты Темного Бога справляются еще и не с такими фокусами.

Прислужник Темного Бога исчез и только след его какое-то время еще держался на содрогающейся трясине.

Едва нелюди исчезли, как все стало приходить в норму. Скомканный мир словно бы расправился. Погасли черные звезды. Солнце вновь выглядело нормально. Больной взгляд мертвой луны из него больше не высвечивал. Мир вновь обрел реальность. Жуть убралась. И даже гиблое болото улыбнулось и, перевернувшись на другой бок, спокойно уснуло под комариный перезвон.

Все еще только должно было случиться.

– Уже пора? – спросила Шенген, королева Анмелена.

Глаза жены пристально посмотрели в глаза мужа.

– Пора, – вздохнул Эруэлл, верховный король Оннерского

Союза. – Я вернусь. Я вернусь, как только смогу.

– Не нужно, – покачала головой Шенген. – Я сама поспешу тебе навстречу. Вот только распоряжусь дома. И, с лучшей дружиной – к тебе.

Она положила ладони ему на грудь, и король с королевой нежно поцеловались. Вокруг стояли анмелеры, но Эруэлл не чувствовал смущения. Почему-то ему не было неудобно целоваться вот так, прилюдно, у всех на глазах. Почему-то не было.

Быть может, потому, что так было правильно?

Еще мгновение они глядели друг на друга. Глаза в глаза. Потом Эруэлл шагнул в замерцавший портал. Пора и в путь! Он и так задержался дольше возможного. Нельзя подвергать такой опасности доверившихся тебе людей.

Внезапно мерцающая чернота портала продырявилась фиолетовым грохотом. Слева от Эруэлла пустота натужно вспучилась, раздался оглушительный искрящийся треск. Во все стороны сыпанули острые осколки пустоты, и Эруэлл обнаружил, что он уже не один.

Едва взглянув на «гостя», он тут же полез в карман за «серебристой смертью». То, что убивает магов, должно справиться и с этим. Должно. Должно, потому что это – не человек. Он только притворяется человеком. Когда-то был. А теперь только притворяется.

Предводитель прислужников Темного Бога недаром решил лично забрать жизнь короля Эруэлла. Только у него бы-

ли шансы справиться с бывшим разведчиком. Темный Бог вручил ему особо мощные амулеты. С их помощью можно было добраться до верховного короля. И то, что король Эруэлл как раз шагнул в портал, ничего не меняло – скорее наоборот. Исчезая из Анмелена, Эруэлл рассчитывал появиться в своем кабинете в Денгере. Этого не случилось. Эруэлл завис в пустоте наедине со своим врагом. Ушедший из одного места, но не добравшийся до другого. Он стоял в искореженном портале, и смерть смотрела прямо ему в глаза.

Прислужник Темного Бога выхватил меч и бросился. И тотчас под ноги ему полетела «серебристая смерть». Яростная белизна окутала нападавшего – окутала, но не уничтожила. Даже не остановила. Эруэлл едва успел уклониться от чудовищного удара. Вражеский меч пропел у него над головой. Ответным ударом меч Эруэлла коротко клюнул бьющую руку. Прислужник Темного Бога охнул, отпрыгнул назад, схватил один из своих амулетов, быстро провел им по ране и вновь ринулся в бой. Казалось, врага питает какая-то неведомая сила. Эруэлл не знал, какая. Незвестный не был магом. «Серебристая смерть» ему вреда не причинила – но и человеком он быть не мог. И даже не потому, что был невероятно страшен. Эруэллу случалось видывать уродов и пострашнее. Одно такое страшилище заведовало приютом для сирот и подкидышей. Замечательной доброты человек! Нет. Здесь дело было в другом. Что-то чуждое топорщилось в каждом его движении, что-то нездешнее было в его неукро-

тимой злобе и яростной мощи его частых ударов.

«Выдохнется!» – думал Эруэлл, уворачиваясь от ужасающих ударов. – «Должен выдохнуться!»

Он и не пытался всерьез парировать рушащийся меч противника. Падающую с неба скалу может парировать только другая такая же скала. Человеку лучше отскочить в сторону. Эруэлл так и делал. Отскакивал, уворачивался, контратаковал. Он уже несколько раз серьезно ранил своего противника, но того всякий раз выручали развешанные по всему телу амулеты. Эруэлл дважды провел прием, после которого меч противника должен был сломаться – но добился лишь того, что едва не потерял кисть руки. Меч врага был заколдован, не иначе.

«И почему его „серебристая смерть“ не берет?» – недоумевал Эруэлл.

Они сражались все отчаяннее, все быстрее. А вокруг них извивалась раненая пустота.

Скоро Эруэлл понял, в какой фехтовальной школе обучался его противник. Гуан Энери. Солидная школа для богатых и очень богатых людей. Средний Запад. Школа дорогая, не признающая простонародных выкрутасов, а значит, не имеющая в своем арсенале сколько-нибудь действенных приемов против «поцелуя в локоток», «платочка на ладошку», «зеленой лошадки» и прочих в том же духе.

«Простолюдинов, дерзнувших схватиться за меч, следует пристреливать из лука» – любимая поговорка мастеров этой

школы. А что, если нет лучников? Вот, например, здесь их нет. И не будет.

Эруэлл уклонился от очередного классического финта, и простонародные боевые ухватки так и посыпались из него. Руки, плечи, а потом и бока прислужника Темного Бога мигом покрылись длинными кровоточащими царапинами. Эруэлл еще ускорил темп, не давая тому времени на заживление ран. Каждая попытка отвлечься для исцеления приносила с собой новую царапину. Появилась царапина на бедре. Следующая наискось перечеркнула грудь. Прислужник Темного Бога глухо зарычал от ярости – но достать Эруэлла не мог. Зарывав, он потерял равновесие, оступился и едва успел парировать коварный удар снизу вверх, в живот... а от очередной царапины не уберегся. Царапина наискось перечеркнула лицо. Прислужник Темного Бога заорал и схватился за лицо. Эруэлл прочертил еще одну царапину у него на руке. Что тут началось! Видно, лицо много значило для этого бывшего человека. В один миг он забыл все уроки фехтования. Бросив меч, он поднял над головой амулет и прыгнул на Эруэлла. Тот отскочил. Амулет загорелся странным огнем, врезаясь в мерцающую тьму портала. Еще миг – и портал распался.

Они вывалились в коридоре комендатуры. Прямо перед ними Санга Аланда Линард мыл пол. Оружия при нем не было. Прислужник Темного Бога с воем бросился на него. Санга Аланда Линард поднял голову и приятно улыбнулся.

– С возвращением Вас, Ваше Величество! – сказал он Эруэллу и хлопнул в ладоши.

Тело бегущего к нему нелюдя буквально взорвалось. Линард сокрушенно вздохнул.

– Ну вот. Опять все перемывать придется.

– Это... – выдавил из себя Эруэлл. – Это ты как?

– Да так, – пожал плечами Линард. – Так уж вышло.

– А говорил – магией не владеешь!

– Да при чем здесь магия? – усмехнулся Линард. – Доживешь до моих лет, и ты так научишься, Твое Величество.

Курт очнулся утром. С такой тяжелой головой, что ее даже поднимать не хотелось. Тоже мне, нашли ярмарочного силача – такие тяжести ворочать. Им, между прочим, за такую работу большие деньги платят.

«И что у этого проклятущего жреца за вино было?»

Голова болела. Очень.

«Может, это вообще не моя голова?» – сонно подумал

Курт. – «Моя никогда себя так не чувствовала.»

– Мур! – простонал он.

Тишина.

«Ну вот, теперь еще и посох исчез!»

– Мур! – повторил Курт, стараясь вложить в свой голос всю глубину страдания по поводу несовершенства окружающего мира. Мир в котором существует такое спиртное, несовершенен. Это точно.

Никакого ответа.

«Кошмар!»

– Мур!!! – взвыл он во всю мочь.

– Чего тебе? – раздался заспанный голос посоха. – Мало тебе, что ты из меня всю душу вытряс, танцор несчастный, так ты еще и поспать не даешь!

– Мур, скажи, это моя голова? – перебил его Курт. Он вдруг и в самом деле испугался. С магами ведь еще и не то случается. Опасная, знаете ли, профессия.

– Какая голова? – не понял посох.

– Ну... та которая на мне! – нервно уточнил Курт.

Ему очень хотелось себя ощупать, но он боялся, что посох поднимет его на смех.

– А на тебе есть какая-то голова?! – и в самом деле разве-селился посох. – Вот не замечал. Знаешь, лучше сними ее. Без нее ты гораздо симпатичней.

– Мур. Я серьезно, – чуть не плача, сказал Курт. – Та голова, которая на мне – моя?

Вместо ответа Мур увесисто треснул его по лбу.

– Ой! – вскричал Курт хватаясь за голову. – Больно же!

– Твоя, – констатировал Мур.

– Изверг, – простонал Курт. – Убийца. Она и без того болела! А теперь совсем отвалится!

– Отвалится – болеть перестанет. И вообще, будешь знать, как хлебать всякую гадость, – мстительно заметил посох.

– А тебе завидно... – простонал Курт. – Жадюга.

Тут он столкнулся глазами с чьим-то внимательным взглядом.

Рядом с ним сидел жрец. Вид у жреца был самый что ни на есть разнесчастный.

– Ты кто? – спросил он у Курта с этим самым видом.

– Я-то? – удивился Курт.

И тут же удивился еще больше.

«А и в самом деле – кто?»

Видно, вчерашнее вино вкупе с религиозными танцами и божественными песнопениями оказало на него слишком сильное действие. А может, Мур был прав, и вера этих людей и в самом деле была магией – кто знает? Магия, она такая. С ней никогда ничего точно не знаешь. Курт не мог вспомнить точно, как его зовут. Имена «Курт» и «Сиген» звучали одинаково достоверно. И, если так подумать, имя «Сиген» даже несколько перевешивало.

Если так подумать. Если так подумать. А если не думать? Лучше уж не думать. С такой головой много не надумаешь. Пусть лучше Мур думает. У него головы совсем нет.

– Мур, – просительно поинтересовался он, – ты не помнишь случайно, как меня зовут?

– Сиген тебя зовут, отец ты наш родимый! – ехидно ответил посох.

– Значит все-таки – Сиген, – самому себе уточнил Курт. – И никаких Куртов.

– Вот видишь, приятель, – вновь обратился он к жрецу, –

все и разъяснилось. Меня, оказывается, зовут Сиген.

– Но Сиген – Бог, – почти пожаловался жрец. – Сиген – наш Бог.

– Значит я – ваш Бог, – пожал плечами Курт. – А в чем проблема? Может быть, ты против?

В этот миг для него казалось совершенно естественным быть чьим-то Богом. А, собственно говоря, кем же еще можно быть? Всегда приходится быть тем, кем рождаешься. Можно, конечно, в кого-нибудь превратиться. Например, в бабочку. Или в тигра. Но рожденный Богом всегда останется Богом, какие бы личины он ни принимал. У него так же нет выбора, как у любого другого существа.

– Так ты что, против? – еще раз спросил он у оторопевшего жреца.

– Нет! – испугался жрец. – Не приведи...

Он споткнулся и замолчал тараща глаза на Курта.

– Не бойся. Не приведет, – утешил его Мур. – Он добрый Бог. Ты только похмелиться ему раздобудь, и порядок. Смертные муки тебя минуют.

– С радостью повинуюсь! – ошарашено пробормотал жрец, выпученными глазами глядя на Божество, потирающее шишку на лбу. Он потряс головой, словно силясь избавиться от наваждения, а потом вскочил и опрометью бросился вон из храма.

– Курт, – позвал Мур, когда топот жреца затих.

Тишина.

– Курт! – недовольно воскликнул посох.

Никакого ответа.

– Курт!!! – взревел посох. – Чего молчишь?! Нимбом язык придавило?!

– Чего кричишь? – удивилось восседающее рядом с ним божество. – Кто это – «курт»?

– Курт – это ты! – возмутился посох.

– Сам такой! – обиделся Курт. – Я – Сиген. Наш Отец. А ты... ты этот... как его? Отцехульник, вот!

– Что? – не понял Мур. – Отце... чего?

– Отце... того! – передразнил Курт. – Как тебе не стыдно над Богом издеваться!

– А, вот оно что! – сообразил Мур. – Над Богом. Бедняга. Ничего, сейчас будем лечиться.

Очередной удар по голове был гораздо круче предыдущего. Курт даже побоялся за нее схватиться: а вдруг их уже две? А что – от такого удара очень даже может быть. Зато в голове сразу посветлело.

– Ну, все вспомнил? – устало поинтересовался Мур.

– Вспомнил! – радостно выдохнул Курт, и счастье обретения себя оказалось сильнее боли.

– Одна у тебя голова. Одна, – как маленького успокоил его посох. – Пока здесь нет этого дурака, давай посмотрим, что стояло на алтаре, до тех пор пока ты не изволил там приземлиться.

– Пойдем. Посмотрим, – покорно согласился Курт.

Он встал. Тело было как с чужого плеча: там жмет, тут болтается.

«Придется поверить, что все это хозяйство – мое», – мрачно подумал он, шагая к алтарю.

За алтарем лежала лицом вниз каменная статуя.

– Подними ее, – предложил Мур.

– Тяжеленная небось, – вздохнул Курт. – Может жреца дождемся?

– Лучше бы нам разобраться, что к чему, до его прихода, – заметил Мур. – Да ты не руками, ты магией подымай.

– Магией? – удивился Курт. – А как?

– Обыкновенно, – отозвался посох. – Как все маги. Берешь и подымаешь. Что тут необычного?

– Но... я же не умею, – удивился Курт.

– Теперь умеешь, – поведал Мур. – Вера этих людей сотворила из тебя Бога Повседневных Мелочей. А он умеет, можешь не сомневаться.

– Но... я просто не знаю как приняться за дело...

– А ты принимайся, – посоветовал посох. – Начнешь делать – разберешься.

Курт наклонился над статуей.

«Я бы хотел поднять тебя.» – собирался проговорить он. Но его язык вместо этого, словно бы сам собой, выдал до того странно звучащую фразу, что Курт аж вздрогнул. Эдаких словечек он отродясь не слыхивал. И не говаривал. Уж это точно. И не стал бы говаривать. Это все язык проклятый. Да

за этикие словечки в любом денгерском трактире мигом по роже дадут, да так, что добавки уже не потребуется.

«Магия.»

Тут Курт вздрогнул еще раз – потому что статуя шевельнулась и стала медленно подниматься. А потому как он все еще оставался в согнутом положении, она неслабо треснула его своей каменной лбиной прямоком по башке. Курт взвыл и рухнул на задницу. Пол и не пытался прикинуться перинной. Он был тверд, как и подобает подлинному храмовому полу, о который верующие поколение за поколением должны расшибать свои лбы, демонстрируя преданность и усердие в вопросах веры. Зато если божеству самому случается приложиться о собственные установления и порядки...

Курт взвыл еще раз и схватился за оба пострадавших места сразу. Мур хохотал.

А потом замолк.

– Что, ехидством своим подавился? – простонал Курт, потирая ушибленные места.

– Курт, посмотри на нее, – тихо попросил Мур.

– На кого? – не понял Курт.

– Да на статую, – вздохнул Мур. – На статую посмотри.

Курт посмотрел.

– Ой, – жалобно сказал он.

– Ага, – промолвил Мур. – «Ой» – и больше ничего... а что тут еще скажешь?

Статуя была точной копией Курта. Абсолютной.

– Послушай, Мур, – нерешительно начал Курт. – Но... ведь я – это не он? Ведь не он же?!

– Не он, – твердо ответил Мур. – Хотя доказать это будет трудно. Я бы даже не стал пытаться.

– Поклянись, что я – не он! – потребовал Курт.

– Клянусь, – вздохнул посох. – Не дури, Курт. Ты отлично знаешь, кто ты есть. Не дергайся, ладно?

– Неудивительно, что они не удивились, – сказал Курт.

– Неудивительно, – согласился Мур. – Было бы куда удивительнее, если бы они удивились.

– И что теперь делать? – проговорил Курт.

– Мы ведь уже говорили об этом, – заметил посох. – У тебя опять с памятью проблемы? Прочистить?

– Нет уж! Спасибо. Твои методы прочистки...

– Но ведь действует!

– Оставим эту тему, – с легкой угрозой в голосе проговорил Курт. – Я помню, о чем мы говорили. Я о другом спрашиваю.

– О чем же?

– Статуя.

– Что – статуя?

– Ну... ее увидят. Все поймут, что я – самозванец.

– Это было бы не так плохо, – вздохнул посох. – Вытолкали бы тебя в зашей, и дело с концом. Богохульство, конечно, грех серьезный, но смертная казнь у них здесь не в ходу. Это ж тебе не Храм Бога Смерти на каком-нибудь диком юге.

Увы, боюсь, богохульство нам не светит. Так что придется тебе отработать свое воплощение по полной программе.

– Но если они увидят статую, разве они не поймут...

– Изображение Бога не отрицает его существования. А также его возможного воплощения. Ты слишком похож на эту статую, в этом вся беда. Иначе тебя просто согнали бы утром с алтаря. Ну, поколотили бы, как воришку, – сказал Мур. – Вот увидишь, никто ни о чем и не спросит. Для них статуя – все равно что твой портрет. Не будешь же ты утверждать, что если с кого нарисован портрет, то его, значит, уже и не существует?

– Не буду, – сказал Курт и вздохнул. – Нет, ну почему мне так не везет?

Тем временем с вожденной бутылкой вернулся жрец. При этом он смотрел на нее такими глазами, что Курту не потребовалось божественного всеведенья, дабы постичь глубину страданий несчастного.

«У бедняги такое же жуткое похмелье, как у меня.»

Впрочем, у самого Курта похмелье каким-то волшебным образом рассосалось. Боги все же не чета людям и куда как покрепче будут до разных там нектаров, амброзий и прочих непотребных самогонов самопроизвольного изготовления.

Жрец протянул бутылку своему Богу. Протянул, как умирающий, отдающий последний глоток воды. Курт уже хотел заявить, что ему не нужно, когда услышал тихий голос в голове.

«Символический глоток. Иначе его жертва потеряет цену.»

«Спаибо, Мур. Я – идиот.» – подумал Курт и, приняв бутылку, смочил свои губы вином.

– Выпей за мое здоровье! – велел он жрецу, возвращая бутылку.

Глаза жреца просияли восторгом истиной веры. Преклонив колени, он единым духом осушил бутылку.

– Да будет твое опьянение приятным, а похмелье кратким, – поддаваясь наитию, произнес Курт.

А потом он вытянул руку, и с его губ слетело Слово Власти. Курт совершенно точно знал, что это именно оно, хотя и не мог бы сказать, откуда он взял это знание.

«Твоя сила – древняя», – вновь раздался голос в его голове.

«Мур», – подумал Курт.

«Когда она откроется тебе вся, ты многое будешь знать», – продолжал голос. – «Не только то, как сделать опьянение этого недотепы божественным ощущением.»

Курт посмотрел на жреца. Тот стоял на коленях, и лицо его сияло от счастья. По щекам текли слезы, которых он не замечал – да он и вообще ничего не замечал, весь погрузившись в какие-то сладостные грезы.

Курт знал, что мог бы подсмотреть эти зрелища, но... нельзя же – вот так. Непрошненным. Даже если ты Бог – нельзя. Особенно, если ты – Бог. Нехорошо.

Вместо того, чтобы любоваться чужим счастьем через замочную скважину, Курт обратился к своему посоху.

– Значит все дело в моей силе? – спросил он.

– О чем ты? – удивился Мур.

– Ну ты же мне только что мысленно сказал: «Твоя сила – древняя...», и все такое...

– Я ничего тебе не говорил, – ошарашено возразил посох. – А что? Тебе что-то такое почудилось?

– Я слышал голос, – сказал Курт. – Голос в голове. Дав раз слышал. Сначала про «символический глоток», потом про «древнюю силу». Хочешь сказать про глоток – тоже не ты?

– Про глоток-то я сказал, – насторожился посох. – И, как видишь, мой совет сработал. Полчаса назад он сомневался в том, что ты Бог, теперь же рыдает от счастья. А все оттого, что ты поделил с ним эту выпивку. Ну и магия, конечно, действует. Их вера делает тебя Богом, а как Бог, ты не лишен некоторого всемогущества. В данном случае это только на пользу.

– Магия, и точно, действует, – сказал Курт. – Но... дело не только в магии.

– А в чем же?

– Голос, – сказал Курт. – Я слышал его дважды. Второй раз он звучал так же, как и в первый. Или... очень похоже. Раньше я решил бы, что это один и тот же голос. Твой. Теперь... думаю, он похож на твой так же, как эта статуя – на

меня.

– Становясь магом, невольно вторгаешься в неведомое, – задумчиво проговорил Мур. – Вмешиваешься в чудеса. Натыкаешься на будущих друзей... и врагов, – помолчав, добавил он. – Таков путь любого мага. Исключений тут не бывает. Будь у тебя Учитель, он мог бы предупредить тебя о том, что ждет тебя на новом повороте твоей дороги. Но даже учитель не в силах предвидеть всего.

– К тому же у меня его нет, – усмехнулся Курт.

– Поэтому ты обречен вслепую наталкиваться на разные вещи, – сказал посох. – Не очень приятно, а что поделать?

Дверь храма скрипнула и приоткрылась. В образовавшуюся щель хлынуло яркое солнце. Окромя солнца в щель прохрюкнул чей-то любопытный нос. За носом угадывались возторженно-перепуганные глаза.

– Входите! – приветливо сказал Курт. – Да входите же! Я не кусаюсь.

Дверь осторожно заскрипела, открываясь. На миг Курт зажмурился от яркого света – а когда открыл глаза, бойкая улыбающаяся старушка уже кланялась ему.

Курту было немного не по себе оттого, что почтенная и уважаемая дама кланяется ему, молодому оболтусу, но поделать он ничего не мог. Разве у богов кто спрашивает? Напридумывают сами себе разных дурацких знаков почтения – а ты внимай! Благосклонно внимай. Слушай ритмичный грохот тысяч и тысяч голов об пол – а в разных храмах их наби-

рается тысячи, если всех сосчитать. Тысячи, честное слово! Внимай завываниям и воплям, что по какому-то гнусному недоразумению считаются искренней молитвой. Изволь терпеть скаредные требования и ужасающие своим искренним бесстыдством признания. Молчи. Терпи. Слушай. Прощай. Помогай. Сочувствуй. Понимай. И знай: тебя не пожалеет никто – потому что это ОНИ пришли сюда за помощью. И никто не помилует: это твоя работа – миловать. Ты – Бог. Добро пожаловать в Королевство Проклятых. Ты – Бог. Работа у тебя такая. И днем и ночью ты доступен для любой молитвы. И днем и ночью их искренние стрелы терзают твою плоть. И никаким нектаром это не залешь. Вот почему Боги так любят воплощаться. Вот почему они сходят к людям. А вовсе не девиц потискать, как думают некоторые. Просто... воплотившись, перестаешь слышать и видеть все это. То есть не то что бы совсем перестаешь, но... когда ты больше, чем наполовину – человек, легче отгородиться от божественного. Ощувив, каково это – БЫТЬ БОГОМ, Курт сильно их уважал.

«Чтоб у меня язык отсох, если я еще раз по пустякам молиться вздумаю.» – подумал он. – «Только в самом крайнем случае!»

Меж тем улыбающаяся старушка поднялась и приблизилась к Курту.

– Стой спокойно, милоч, – добродушно и безлично обратилась она к нему. После чего, вынув откуда-то тряпку,

сноровисто прошлась ею по физиономии остолбеневшего от изумления и неожиданности Курта – раз и еще раз.

– Вот так, – довольно заявила она.

Тряпка была пыльной. Курт чихнул.

– Не балуйся, – строго сказала она. – Богу баловать не положено.

– Я балуюсь?! – возмутился Курт. – По-моему, это вы хулиганите!

– Я сполняю обряд, – строго ответила старуха. – А ты не балуй.

– Ты кто? – с любопытством спросил Курт.

– А как же, – ответила старуха. – Жрец этот тут без году неделя, а храм уж не один век стоит. И никаких тут тебе жрецов ранее не было. Сами справлялись. И всегда у храма блахозяйка. Вот я – она самая и есть. А ты не шевелись. Стой тихонько. Обряд сполнять не мешай. Сполню, тогда поговорим. Воплощение – оно, конечно, дело новое. Людям непривычное. Может, я что не так делаю. А только обряд есть обряд. Ты хоть и воплотился, а все же – Бог. Значит, понимать должен.

Она старательно прошлась своей тряпкой по всем частям тела Курта, вновь земно ему поклонилась и отправилась прибирать статую. Процедура повторилась.

– Морока с этими воплощениями, – ворчала она себе под нос. – Как ступить, что сказать – ничего не ведаешь. А морду чистить все едино изволь. А теперь не одна морда-то. Целых

две. Экое баловство.

Бормоча все это, она продолжала улыбаться. Курт содрогнулся.

– Ты ей скажи, что свою морду будешь мыть сам, – шепотом посоветовал Мур, – а то ведь каждый день повадится.

– Может, мне разгневаться? – растерянно проговорил Курт.

– Не стоит, – шепнул Мур. – Мне кажется, с ней лучше не ссориться. Кто знает, какие у нее на этот случай обряды припасены? От этой бабки всего можно ожидать.

– Да уж, – вздохнул Курт и снова чихнул.

Покончив со своими загадочными обрядами, старуха вновь подошла к Курту, вновь поклонилась, поднялась и требовательно уставилась на него.

– Ну? – спросил Курт.

– Там просители с утра дожидаются, – сообщила она. – Так что – гнать?

– Зачем же гнать? – возмутился Курт.

– А чтоб не баловались, – пояснила старуха и улыбнулась.

– А я хочу, чтоб они баловались! – разозлился Курт. – И тебе приказываю, слышишь?! Баловаться! Баловаться! И еще раз баловаться!!

Старуха попятилась, запнулась и с размаху села на пол. Распахнув рот и вытаращив глаза, она испуганно глядела на своего Бога. С ее точки зрения, он только что совершил святотатство. Нарушил обряды. Но... когда обряды нарушает

Бог... когда обряды нарушает Бог – они меняются. Старуха знала это.

– Три раза баловаться?! – ошарашенно выдавила она.

– И немедленно! – ответил Курт. – Вот позовешь мне сюда просителей – и ступай баловаться! И пока не набалуешься как следует, обратно не приходи!

Старуха поклонилась и стрелой метнулась к выходу.

Во весь опор скакали нелюди по забытым, утонувшим в людской памяти и болотах дорогам, скакали, разрывая туман, стряхивая лохмотья ветра, скакали, не имея ни прошлого, ни будущего, ни памяти, ни сожаления – только поставленную цель. Скакали – одни в Рионн, другие в Аргелл. Перехватить отряды, посланные на подмогу Оннеру. Уничтожить. Всех уничтожить.

Они скакали, не ведая ни страха, ни жалости, и тени зла земного, утопая в болотах, спешили убраться с их выморочного пути. Уж лучше утонуть, чем попасться этим. Нелюди скакали, не ведая врагов – ибо какой враг устоит перед ними? Они скакали размеренно и ровно. Их кони, как и они сами, не знали усталости. А еще они не знали своей участи. Участь их была чудовищной – под стать им самим. А еще она была неминуемой.

Она шагала широким шагом, и под ее тяжелой поступью прогибался мир.

Быстро скачут кони нелюдей. Невдомек им, что есть нечто

побыстрее. В разные стороны ведут их дороги. Одна в Рионн. Другая в Аргелл. Невдомек им, что у этих дорог один конец, один исход. Торопятся нелюди. Поспешают исполнить слово своего Повелителя. Уверены в успехе.

А только посреди тех дорог по самым кромешным болотам шагает то, чего даже в сказках не описывают – потому как слов таких нету. И ни один менестрель про такое петь не возьмется – потому как кто ж его, психа ненормального, слушать-то станет? От таких песен у любого ведь уши отвалятся. И добро бы только уши... (Все. Все! Молчу. Не накликать бы!) И никакими красками не нарисовать – нет таких красок! – то чудовищное чудовище, что уже обгоняет... уже почти обогнало торопящихся нелюдей. Обгоняет... обгоняет... все! Обогнало.

В разные стороны торопились дороги. Чудище – только в одну. Но такова уж его чудовищная суть, что оно везде поспело. Ухватило своими чудовищными ручищами обе дороги. Дернуло. Застонали дороги, вырываясь из болота. Заскрипели, освобождаясь из забвения людского. Струнами запели, пробиваясь из песен минувших, затеряных. Завертелись в гробах незапамятных сложившие их мертвые менестрели. А чудовище те дороги в единый узел вяжет – и нехорошо так себе посмеивается.

– Я вам, – говорит, – устрою...

Тут и ночь пала. Темная, как на заказ. Самое время, значит. Луна было наружу посунулась, да чудище ее сграбаста-

ло и – в карман, в карман ее до времени. В разные стороны летели-торопились нелюди. В разные места грохотали копыта коней. А только все не по их вышло.

Встретятся они ночью на голом месте. Там, где дороги незапамятные в тугой узел вязаны – не человеческими руками вязаны. Не человеческих рук дело. Откуда такое человеку по силам? Где он есть, такой человек?

Встретятся они ночью на голом месте. Там, где дороги незнанные в темный узел скручены. Тут и быть битве. Кто ж им еще противник, кроме них самих? Где ж им взять по себе поединщика? В темноте сами с собой встретятся. Жаркая будет пляска.

Встретятся.

Встречаются.

Встретились.

Тусклые мечи покинули холодные ножны. Пустые глаза увидели тьму. Ни один не ушел живым. Ни один не ушел мертвым. Ни один не ушел. Все легли на голом месте – легли, укрыли его собой. Ни один не добрался до цели.

Мягко качнулась ночь под ногами чудовища. Колыхнулась вернувшаяся на небо луна. Все стихло. И только петухи в дальних селах всю ночь орали, как оглашенные.

Когда плоть странных существ, именовавших себя слугами Темного Бога, стала гибнуть под ударами тех мечей, которые Он сам им вручил, Темный Бог ощутил смутное бес-

покойство. Слишком могуч, слишком высок он был. Слишком глубоко в небо уронила его непомерная сила, слишком невероятна была его гордыня, чтобы он прислушивался всерьез к тому, что происходит с его слугами. Да и что с ними может произойти? Кто одолеет их неземную, амулетами дарованную силу? А потому, когда их гибнущая плоть воззвала к нему, он откликнулся не сразу.

О помощи взывала плоть – ибо именно она и гибла. Души о помощи не взывали, ибо давно были погублены. Погублены, вынуты и брошены прочь. У таких существ никогда не бывает душ. Ни живых ни мертвых. Вместо душ у них разные вещи. Причудливые, омерзительные и смешные. Страшные до смешного. Смешные до страшного.

Слишком поздно спохватился Темный Бог. Слишком долг путь из небесных глубин. Когда достиг Он, наконец, земли и прошел по успевшим уже согреться следам своих слуг, начало вовсю светать. Молча стоял Он, глядя на изрубленные тела своих посланцев. Темный гнев горел в глубине его глаз.

– Вы все равно послужите моим целям, – сказал Он.

В его руке появился серый, тусклым серебром мерцающий посох. Он повел посохом над грудой тел – и мертвая плоть запузырилась, растекаясь омерзительной жидкостью. Жидкость, кипя, стеклась в одну странно подрагивающую фигуру. Ее лишь условно можно было назвать человеческой. Обрывки одежд, там и сям разбросанные по земле, закружи-

лись грязной пестроцветой метелью, а потом враз налипли на фигуру. Кто знает, чем это было – одеждой? второй кожей? Осколки погибших амулетов стеклись в один – с мельничный жернов размером. Темный Бог коснулся его посохом, и амулет уменьшился. После этого Он коснулся посохом сотворенного им чудища, и оно также уменьшилось до вполне человеческих размеров и даже стало отдаленно напоминать человека... особенно если не присматриваться. Да и то, если рассудить, кому охота присматриваться? Кто на такую поганую рожу дважды-то глянет? На нее и один разочек глядеть неохота. Привидится еще потом во сне, страхолюдина эдакая.

– Возьми амулет и отправляйся в Орден Черных Башен, – сказал Темный Бог сотворенному им страшилищу. – Отдай амулет ихнему Архимагу. Потом можешь умереть.

– Будет исполнено, – поклонилось оно.

На окраине Денгера комендантский патруль задержал подозрительного бородатого типа. Коротышку, с виду больше всего напоминавшего гнома. На цепи коротышка вел громаднейшего медведя, чем сильно напугал местную шпану и городскую стражу. Шпана просто попряталась, тогда как стража позорно бежала, побросав свои алебарды. Призванный на подмогу комендантский патруль собрал потерянные стражниками алебарды, арестовав заодно подозрительного гнома вместе с его медведем.

– Ты из каких будешь и почто людей пугаешь? – приступил к допросу задержанного Винк Соленые Пятки.

– Я из цирковых буду, – ответил гном. – На руках хожу, как на ногах, на ушах пляшу, на носу музыку играю, бровями дирижирую.

– А медведь? – спросил Рэй Сломанный Дракон.

– Он жонглер, – ответил коротышка. – Котлетами жонглирует.

– Котлетами? – улыбнулся Хриплый Молот.

– Котлетами, – кивнул гном. – Умереть мне на этом месте, если хоть одна котлета на землю упала. За все эти годы – ни разу! Только в пасть.

– Значит, ты цирк представлять собираешься? – сообразил Винк Соленые Пятки.

– А вы кто такие будете, что я вам докладаться обязанный? – поинтересовался коротышка.

– Ну, мы – комендантский патруль вообще-то, – сказал Рэй Сломанный Дракон. – Так что лучше тебе нам доложить-ся. Тебе же проще. Неприятностей меньше. Ребята мы не злые. Цирков запрещать не собираемся.

– Ну, раз уж вы и есть тот самый знаменитый комендантский взвод, – усмехнулся коротышка, – то я, пожалуй, скажу вам правду. Я не собираюсь цирк представлять.

– В таком случае, какого черта... – начал Винк Соленые Пятки.

– А это я скажу вашему начальнику, – оборвал его коро-

тышка. – И чем скорее я его увижу, тем лучше. Для всех лучше. Добавлю лишь, что он давно меня ждет.

– Только начальнику скажешь? – уточнил Винк Соленые Пятки.

– Только, – кивнул коротышка.

– Ясно, – сказал Винк. – Покарауйте его, ребята. Я за командиром.

Во внутреннем дворе комендатуры происходило каждодневное представление. Эруэлл и Линард стояли меч к мечу. Вот Эруэлл внезапно крутанулся, словно свихнувшийся флюгер в бурю, и сделал неожиданный выпад. Его меч молнией устремился к горлу противника. Легко, будто пушинка, несомая ветром, Линард уклонился. Вот Эруэлл подскочил, имитируя атаку сверху и, тут же упав на одно колено, нанес неожиданный укол снизу. Метнулся вправо. Нанес рубящий удар. Отскочил. Бросился снова.

Раз за разом он пытался пробить защиту старого мастера, все новые и новые финты шли в дело – но тщетно.

– Сегодня уже лучше, чем вчера, Ваше Величество, – с мягкой улыбкой опуская меч, заметил Линард. – Но... все еще недостаточно хорошо...

– И то хлеб, – вздохнул Эруэлл утирая вспотевшее лицо.

– Командир, – обратился Винк Соленые Пятки. – Мы там поймали подозрительного субъекта. С медведем. Назвался циркачом. С вами хочет встретиться. Ждете его, говорит.

– С медведем? – усмехнулся Эруэлл.

– Здоровенная зверюга, – откликнулся Винк Солёные Пятки. – Полгорода напугала. Стражи местные до сих пор по кустам сидят.

– Хорошее место для стражей, – фыркнул Эруэлл. – По крайней мере, под ногами путаться не будут. Сейчас посмотрим на этого циркача.

Когда они добрались до места, там уже собралась небольшая толпа. Правда, завидев Эруэлла, люди стали потихоньку расходиться. Мало ли что? Хоть и говорят, что нынешний комендант мужик неплохой, а все же комендант – он и есть комендант, и простому человеку от него лучше держаться подальше. И еще подальше. И еще... А вот тут такая симпатичная подворотня. Незаметная такая. Разве ж Господин Комендант такую маленькую подворотню углядит? Он человек большой. И не нашенский. Тихонько, значит, лезем вот здесь... эту доску сюда... да не торопись ты! Зачем ломаешь? Зря, что ли, люди добрые этот гвоздь до половины вытащили? Не суетись, говорю. Во-от так. Теперь лезь. Циркач, конечно, дело хорошее, кто спорит? И на медведя поглазеть приятно. Да вот только неохота потом с этим самым медведем в одной кутузке сидеть. А ну как пхнут в одну и ту же камеру? Комендант, конечно, не зверь. Тут спору нет. Повезло Денгеру. А все же зря его злить не стоит. Посмотрели малость – и хватит.

Коротышка явно забыл о своем обещании не устраивать цирк. Медведь увлеченно жонглировал котлетами, а сам он

выводил презабавнейшие рулады на собственном носу, потешно дирижируя бровями. Толпа просто со смеху покатывалась. Коротышке даже кое-что бросили в подставленную шляпу – неслыханная по военному времени щедрость! А потом толпа, продолжая покатываться со смеху, рассосалась, как кусок сахара, брошенный в горячую воду. Люди с окраин, бедняки, босота... они обладали этим загадочным свойством – мгновенно растворяться в переулках и подворотнях собственного квартала. Окраина есть окраина. Это вам не надутые спесью вельможи, которые дверь собственной спальни по полчаса ищут и без прислуги нипочем не найдут. Конец представления Эруэлл досматривал в компании Винка Солёные Пятки, Рэя Сломанного Дракона и Хриплого Молота. Увы, такова участь любого оккупационного режима. Боятся люди чужой власти. Даже если своя сколь угодно жестокая и страшная. Даже если жуткая. Чужой все равно боятся больше. А если ты всю жизнь прожил в вольном городе – пусть даже и последним из нищих – а теперь власть держит страшненькое королевство Рон, захватившее все, что только можно и даже то, чего ни в коем случае не можно, а совсем даже нельзя... и к тому же ходят слухи, будто заправляют в том королевстве Тёмные Колдуны... нет! Тут уж любому все ясно. И какой бы раззамечательный и прехороший ни был этот самый Господин Комендант – да разве могут быть сомнения, что он по ночам грудными младенцами питается и девственницами закусывает? Не может быть та-

ких сомнений. Питается. Как это – никто не видел? Все видели. Даже те, кто не видел. Вот честное слово. Кого хочешь спроси. Народ, он соврать не даст.

– Ну, кому я здесь понадобился? – спросил Эруэлл, глядя на коротышку.

Гном отвернулся и посмотрел куда-то в сторону. Точней говоря, он смотрел во все стороны, медленно поворачиваясь вокруг себя. Его взгляд скользнул по Эруэллу, как тяжелая шелестящая завеса, сместился дальше... Закончив полный оборот вокруг собственной персоны, гном посмотрел еще и вверх, словно надеялся, что Богиня Зрелищ как раз сейчас совершает над ним свой знаменитый прыжок, и ее стройные ножки соблазнительно высвечивают из под развевающихся облаков. Потом он уставился на землю, будто верил, что найдет там как минимум горсть золотых монет, выпавшую из ненароком прохудившегося кармана Бога Богатства.

А потом он поднял глаза и уставился на Эруэлла. И все прежние сравнения вылетели у того из головы. Потому что глаза гнома пронзили его насквозь почище стального клинка.

– Это он? – спросил мягкий выразительный голос.

Эруэлл вздрогнул – голос принадлежал медведю.

– Верховного Короля не узнать невозможно, – ответил гном. – Кровь Арамбуров в нем несомненна.

Эруэлл вздрогнул еще раз и уставился на гнома во все глаза.

«Верховный Король?! Кровь Арамбуров?!»

– И он... такой же как тот? – спросил медведь. – Или... еще хуже?

– Старое вино не всегда превращается в уксус, – ответил гном. – Иногда оно делается крепче и благородней. Хвала Богам, этот лучше.

Эруэлл не знал, что и сказать. Во все глаза он глядел то на гнома, то на медведя.

«Говорящий медведь! Это надо же!»

– Он стоит нашей поддержки? – спросил медведь.

– Он достоин верности, – ответил гном.

Эруэлл оглянулся на своих разведчиков, но они так же, как и он, таращили глаза, ничего не понимая в происходящем.

– Верно, контузия сказывается, – пробормотал Хриплый Молот.

У него было лицо человека, яростно желающего проснуться.

– Хм. Господа! – обратился Эруэлл к медведю и гному, – А могу я узнать, кто предлагает мне свою верность? Кстати, раз уж вы столько всего знаете, возможно вам известно, что такие разговоры в подобном месте небезопасны?

– Ну конечно, безопасны, – возразил гном. – Правда, недолго. Нас с вами сейчас даже и не видит никто.

– В стенах домов много щелей, а в щелях – глаз, – заметил Эруэлл.

– Нас они не видят, – ответил гном. – И не увидят. С их точки зрения, вы арестовали меня вместе с медведем и увели в комендатуру. Я – очень слабый маг, но уж соткать покров невидимости и отвести от него глаза вполне в моих силах.

– Маг, – сказал Эруэлл.

– Маг, – кивнул гном.

– И медведь, – сказал Эруэлл.

– Я представляюсь немного позднее, – промолвил медведь и улыбнулся.

Улыбка медведя – зрелище редкое. Может, и вовсе небывалое. По крайней мере, Эруэлл не знал никого, кроме себя и своих ребят, кому бы повезло насладиться столь небывалым событием.

– Тут за городом, в том лесочке, что у горки, деревушка обосновалась, – продолжил медведь. – Я был бы рад, если бы вы составили нам компанию и прогулялись до тех мест.

– Командир! – предостерегающе проговорил Винк Солёные Пятки.

– Там нет никакой деревушки! – добавил Рэй Сломанный Дракон.

– Там не было деревушки, – уточнил медведь. – Она появилась три часа назад. Не скрою, я приложил свою лапу к этому темному делу.

– Командир! – еще раз воззвал Винк.

– Не стоит беспокоиться, – отозвался медведь. – Флаги Аргелла приветствуют Флаги Оннера! Смерть Голорской

Империи! Да здравствует Союз!

— Мы идем, — кивнул Эруэлл. — Благодарю Вас за столь любезное приглашение, господа! Прошу простить мою недоверчивость и неучтивость. Первое объясняется военным временем. Второе — недостаточным воспитанием.

— Воспитание — бумажный кораблик, Ваше Величество! — усмехнулся гном. — Дайте время, и благородная кровь Великих Королей унесет его прочь. Подлинное Величие не испортить никаким воспитанием.

Вопреки всем предостережениям разведчиков, деревушка была. Она оказалась именно в том месте, где и обещали медведь с гномом. Впрочем, насчет медведя у Эруэлла появились отдельные сомнения. Медведь, конечно, самый что ни на есть медведистый. Однако по некоторым его, впрочем, тщательно скрываемым движениям Эруэлл совершенно четко определил, что махать двуручником или тяжелым боевым топором тому гораздо привычнее, чем жонглировать котлетами. Трудно спрятать такие движения от разведчика — все равно что реку в карман засунуть. Да и то сказать — ну откуда в Аргелле боевые медведи? К тому же еще и говорящие. Ни о чем таком Рыжий Хэк не докладывал. Неоткуда Роади взять такую диковину. Зато Рыжий Хэк докладывал о некоем герцоге весьма громадного роста, оказавшем неоценимую помощь ныне здравствующим монархам Аргелла в их трудной борьбе за престол. Что ж, если Его Светлости охота поиграть в маскировку, значит, так тому и быть. Правду сказать, оно и

нелишнее. Человек такого роста – это ж как постараться надо, чтоб не заметить! Заметят. Языки у людей длинные, глаза зоркие, в башках невесть что бродит, мало ли... А медведь, он и есть медведь. Цирк – дело обычное. Денгер ведь не деревушка какая. Здесь и не такое видали. Жаль вот, Господин Комендант досмотреть не дал...

А деревушка была. Там, где сказали, там и была. В том самом месте. В том самом месте, где ее никогда не было. В том самом, где ее и быть не могло. Незачем ей было тут появляться. Незачем и неоткуда. Однако вот же она! Стоит себе, покосившись ветхими сараюшками, подмигивает окошками не слишком-то новых домиков, голосит играющими где-то на другом конце детишками, кудахчет курами и хрюкает свиньями.

– Какая совершенная иллюзия, – медленно промолвил Эруэлл.

– Я старался, – коротко поклонился гном. – В нее можно войти, побеседовать с жителями, можно поймать курицу и сварить из нее суп. Его даже съесть можно. Правда, сытым от этого не станешь, но...

– Превосходная маскировка, – восхищенно сказал Хриплый Молот.

– Благодарю, – еще раз поклонился гном. – А сейчас... Ваша Светлость, я думаю – пора.

– Ты прав, – произнес медведь. – Снимай свой наговор. Гном что-то пробурчал себе под нос, потом сильно дернул

медведя за ухо. Мягко дрогнул воздух. Пространство на миг заволокла сероватая дымка. Медведь исчез.

Герцог Седой неспешно поклонился Королю Эруэллу. Его серебристый кольчужный плащ мелодично зазвенел. Так же неспешно король Эруэлл поклонился в ответ.

– Я приветствую Ваше Величество от имени Короля Рода и Королевы Оанхиль, – сказал герцог. – Я привел с собой лучших воинов Аргелла, согласно Вассальной Клятве Королей участников возрожденного Союза Оннера.

– Да будет он отныне именоваться так! – поддаваясь настрою герцога, вскричал король Эруэлл. – Возрожденный Союз Оннера. Какое правильное имя вы нашли, герцог!

– И да воплотится оно несокрушимой твердыней! – добавил Герцог Седой. – Скатывай свою деревню, Йолнн. Хочу показать Королю, кого я ему привел.

Гном вытянул руки перед собой, ухватился за что-то невидимое и начал делать такие движения, словно и впрямь что-то сворачивал, скручивал в рулон. Эруэлл посмотрел на деревню и вздрогнул. Деревня плясала, подергиваясь и короткими рывками ползла на них. Плясали домики, подпрыгивали сараи, перекликались мужики да заполошно орал застигнутый у сметаны кот. Коту полагалась взбучка, однако получить он ее не успел. Шустрые пальцы гнома свернули его в трубочку раньше.

– А... они живые? – растерянно спросил Эруэлл.

– Ни в коем разе, – ответил гном. – Что я, черный маг

какой? Обычная иллюзия. Просто очень качественная. Собственно, иллюзии – это почти все, что я могу. Иллюзии, невидимость, маскировки разного рода... Я не могу зажечь огонь, выставить настоящую магическую защиту, вызвать дождь или сотворить кошку. Так что я очень слабый маг. А магические картины на невидимом холсте – это и вообще мой коронный номер. Лучшее, на что я способен. Мне даже магов обманывать случалось. Один Великий Магистр, не будем упоминать его имя, с большим удовольствием отведал нарисованного мной вина. Ну... извольте!

Магическая картина исчезла в руках гнома. Перед Эруэлом воздвигся четкий строй воинов.

Эстен Джальн пихнул в бок своего Ученика и восторженно взвыл:

– Какой художник! Нет, ну ты посмотри, какой талант! Какой талантище! На холсте всяк дурак сумеет! А ты вот на отсутствии холста попробуй! Ты вот вообще без холста попробуй такое намалевать!

– Попробую, – сказал Ученик и в глубине его глаз зажглась решимость, – Я давно хотел тебя хоть в чем-то переплюнуть.

– Правильно, – одобрил Джальн. – Так и надо! Что ж я за учитель, если ученик меня ни в чем не переплюнет?! Самая пора.

– Жалко будет, если этого чудилу убьют, – вздохнул Ученик.

– Кого?! Его?! – взревел Джальн. – Не позволю!! Не допущу!! Не дам!! Тоже мне придумали – художников убивать! Словно перевелась во всех Мирах мерзость, которая только того и достойна! Я им убью! Я им так убью, что до самой смерти помнить будут и потом не запомнят!

Гном, не зная, что отныне находится под покровительством самого Эстена Джальна – бывшего Великого Магистра Ордена Черных Башен, злодейского черного мага, бунтовщика и создателя нынешнего Архимага, а теперь попросту вольного художника, проживающего в собственной картине, – аккуратно свернул свое магическое полотно и упрятал в карман дорожной куртки.

Эруэлл смотрел на воинов Аргелла. Полторы сотни бойцов привел ему герцог. Не армия, конечно. Далеко не армия. Но зато какие воины! Не хуже его разведчиков будут. Честное слово, не хуже.

– Отличные воины!

Невесть откуда возник Линард.

– Отличные! – повторил он. – А воевода до чего хорош!

Эруэлл глубоко вздохнул и шагнул навстречу первому отряду своего нарождающегося войска. Солнце, словно только и ждало этого момента, вымахнуло из-за туч, заливая поляну жарким радостным светом.

Герцог Седой подал знак, и воины Аргелла приветствовали Верховного Короля.

Где-то далеко – или это только показалось? – звонко пропела боевая труба.

Случалось ли Вам когда-нибудь побывать в шкуре воплотившегося Бога? В единый миг перестать быть недосыгаемой вершиной – вершиной, на которую отваживались взбираться лишь отчаянные сумасшедшие одиночки. Перестать быть вершиной. Упасть, обрушиться, спуститься к подножию. Туда, откуда на вас с вожделением взирали несметные толпы. Им так нужна ваша сила и чистота. Так нужна. Они так нуждаются в большом и чистом. Они такие маленькие и грязные. Они так устали от грязи и слабости. Они смотрят на вас, как неделю не жравший бродяга на кусок только что поджаренного мяса, висящий у него прямо перед носом. Вас не пугает эта перспектива? Вы все же решили воплотиться? Что ж, как говорится, Бог вам судья! Да-да. Именно это я и имел в виду. Вот сами себя и судите. Поделом вам по делам вашим. Но только помните: никто не услышит ваших рецептов чистоты. Вас просто используют, как большое полотенце. И, возможно, разорвут на клочки. Борьба за чистоту и святость – серьезное дело.

Просителей было много. Курт отважно уселся на алтарь и повелел присутствующим приблизиться.

– Мур, будешь запоминать, – шепнул он посоху.

– Придется, – вздохнул тот. – Сам-то ты нипочем не запомнишь.

– Сейчас вы сообщаете мне свои просьбы, – обратился «Отец Наш Сиген» к собравшимся. – Потом я иду и выполняю их.

«Если смогу.»

– Услышал! Услышал наши чаяния! – тоненько взвизгнула какая-то старушка.

– Я воплотился, дабы исполнить их! – гордо объявил Курт, изо всех сил стараясь держаться так, как, по его мнению, и должны держаться уважающие себя Боги.

Просители вознесли ему хвалу, после чего дисциплинированно выстроились в очередь и стали потихоньку приближаться.

«Опозорюсь ведь. Обязательно опозорюсь.»

Первой шла рослая увесистая бабуса. В своем цветастом до пят платье она напоминала то ли ушедшую погулять садовую клумбу, то ли тяжеловооруженного рыцаря, на полном скаку протаранившего фруктовую лавку, то ли вообще шагающую храмовую колонну, разукрашенную к празднику урожая. Совершив подобающий случаю церемониальный поклон, она уставилась на Курта взглядом тяжелым, как оплеуха.

«Вот кого нужно было на алтарь сажать!» – мелькнуло в голове Курта.

– Я слушаю, – мягко сказал он.

Старуха безмолвствовала.

«Черт, я сейчас испугаюсь и сбегу!»

– Я слушаю! – повторил он громче.

«Вдруг бедняга плохо слышит?.. а может, она собралась надрать мне уши и просто не знает, с которого начать?»

Старуха продолжала молчать. Взгляд ее из тяжелого сделался растерянным. Она оправила платье. Оглянулась по сторонам. Еще раз оправила.

– Я слушаю, – в третий раз произнес Курт, глядя на немалое число собравшихся и гадая, сколько же времени потребуется, чтобы всех выслушать – особенно если каждый проситель примется эдак вот молчать.

– Я забыла... – виновато проговорила старуха. – Забыла, что просить хотела... Пока шла – помнила. Пока стояла – помнила. А теперь – вот...

Ее взгляд был откровенно беспомощным.

– Помоги ей вспомнить, – шепнул Мур.

– Но... я не знаю, как... – растерянно ответил Курт.

– Мне что, опять полечить тебя от забывчивости? – прошипел посох. – Ты – Бог! Твое слово – закон.

Курт опасливо взглянул на посох – вот как врежет сейчас при всех по лбу! – потом протянул руку навстречу старухе.

– Ты вспомнишь все, что хотела сказать мне! – повелительно проговорил он. – Все, о чем собиралась просить. Вспомни!

Растерянный взгляд старухи мигом прояснился. Она приосанилась. Еще раз оправила платье.

«Ну, Хвала Богам!»

– Помню! – воскликнула она.

– Слушаю, – вздохнул Курт. – На что ты жалуешься?

– На память жалуюсь, – заявила бабуса, явно едва не прибавив «милочку». – Совсем никудышная стала. Ты уж полей, сделай милость, мою невестку.

– Какую-такую невестку? – растерялся Курт.

– Мою, – безмятежно заявила старуха. – Совсем она плоха памятью. Ничего не может упомнить, дура старая.

– Да сколько ж ей годков? – не удержался Курт.

– Не помню, – проговорила старуха. – Шестьдесят, ка-
жись. Нет, шестьдесят ей уже было. Еще до того, как ей семь-
десят два исполнилось. Или после?

– По-твоему, это такой важный вопрос? – ехидно поинте-
ресовался Мур. – И потом – что за невоспитанность, Курт!
Спрашивать женщину сколько лет даже не ей, а ее старень-
кой невестке... Фу!

– Да где ж твоя невестка? – спросил Курт.

– А она тоже сюда идти собиралась, – ответствовала ста-
руха. – На мою память жаловаться. Забыла, наверное.

Курт с трудом подавил нервный смешок. Неприлично Бо-
гу смеяться над верующими в него.

– Хорошо, – сказал он. – Я исцелю вас обеих. Как мне вас
найти? Где вы обе живете?

– Дома, – удивилась старуха. – А где ж еще жить-то мож-
но?

– А где находится ваш дом? – терпеливо спросил Курт.

Старуха вновь мучительно задумалась.

– Седьмая Левая улица, дом Жаворонка, – подсказал невысокий седенький старичок, стоящий за ней. – Невестка там же проживает.

– Точно! – обрадовалась старуха. – Там эта дурища и проживает! Вместе со мной. Да. Намучилась я с ней – сил нет. Постоянно все забывает да путает.

– Обе они такие, – пожал плечами старичок. – Сейчас это еще что... недавно они позабыли, кто из них невестка, а кто свекровь. То-то шуму было! Едва все волосья друг дружке не повыдергали.

– Ты наверное их сосед? – спросил Курт.

– Если бы! – вздохнул старичок. – Я муж этой достойной женщины и свекр другой не менее достойной.

– Хорошо, – кивнул Курт. – Я займусь твоей женой и твоей невесткой. Вот выслушаю всех просителей, отдохну и займусь.

Старуха поклонилась и отошла в сторону. Старичок остался стоять.

– У тебя тоже просьба ко мне? – спросил Курт.

– Кузнец я, – ответил старичок и замолчал.

«И этот туда же!» – подумал Курт. – «Ну что у них за привычка! Скажут что-нибудь эдакое – и понимай, как хочешь!»

– Используй всезнание, – раздался ехидный шепот Мура. – А если не догадываешься, как – брось заниматься ерундой и просто посмотри на него. Он кузнец, понимаешь? Вот

этот хрупкий сморчок – кузнец! Не дошло?

– Не очень, – виновато признался Курт. – Может я и Бог, но тупой.

– С Богами это случается сплошь и рядом, – заметил Мур. – Объясняю. У каждого кузнеца есть молот. Он большой и тяжелый. Понял теперь?

– Мне бы силы, – сказал старичок, – из той, что была, хоть бы одну каплю вернуть. Хоть крошку. Чтоб не только ложку за столом подымать.

– Я понял, – проговорил Курт. – Я постараюсь.

«Неверно!» – раздался в его голове возмущенный окрик Мура.

– Я сделаю, – поправился Курт. – Я помогу. Обязательно.

Старик поклонился до самой земли. Новый проситель занял его место.

– У меня крыша съезжает! – заявил кудлатый толстоморденок в зеленых штанах и желтой с орнаментом куртке.

Мур фыркнул.

– Крыша? – удивился Курт.

– Ну да, – ответил тип. – Все время съезжает.

– Куда съезжает? – не понял Курт.

Мур фыркнул еще раз. Курт щелкнул его по набалдашнику.

– Обычно в левую сторону, – подумав, ответил тип. – А иногда в правую.

«Только психов мне и не хватало с утра пораньше!» – обреченно помыслил Курт.

– Где находится твоя съезжающая крыша? – спросил он.

– Как это – где? – удивился тип. – Где обычно!

Он посмотрел на Курта недоверчиво и обиженно.

«Ну вот еще!» – возмутился тот, хоть и не вслух, а только мысленно. – «Я не обязан знать где растут съезжающие крыши! Даже в качестве Бога не обязан!»

– У меня, – наконец соизволил пояснить тип. – На моем собственноручно выстроенном новеньком доме. Крыша. Съезжает. Вот. А я его хорошо строил. А только его наверняка заколдовали. Сглазили. Мне бы заклятье это снять, а? Я хотел мага звать, да нету никого поблизости. А из города приглашать – так дешевле еще один дом выстроить.

– Где находится твой дом? – спросил Курт.

– Девятая Правая улица, дом Кролика. – ответил тип. – Его сразу узнать можно. У него одного крыша набекрень. Других таких нету!

– Хорошо, – сказал Курт. – Помогу. Следующий.

Следующей оказалась статная красавица. Ее поклон был невероятно изящен, а просьбы многочисленны. У нее покосился забор. Сломалась калитка. Испортилась прялка. Перебилась посуда. Ведра утонули в колодце. В дымоходе застрял здоровенный чугунный котел. Порвалась почти вся одежда. Вот что на себе – то и цело. Затупились иглы. И много чего еще требовало скорой божественной помощи.

– Мур, ты запоминаешь? – испуганно шепнул Курт.

– Да! Черти бы ее драли! – выдохнул посох.

– Как же ты живешь в таких ужасных условиях? – спросил

Курт.

– А я все это вчера устроила, – простодушно ответила красавица.

– Зачем?! – потрясенно поинтересовался Курт.

– Чтоб ты мог показать свою силу и величие! – кланяясь, вымолвила она.

– И для этого ты переломала все у себя дома! – ахнул Курт.

– Я не могла выказать небрежение моему Богу, – ответила красавица. – Мы всей семьей ломали. Я, муж, дети...

– Хорошо, – сквозь зубы пообещал Курт. – Я приду. И покажу! И силу и величие. И все-все починю. Следующий!

– У меня – курица, – заявил следующий проситель после церемониального поклона.

Курта уже не удивляла здешняя манера выражать свои мысли.

– Что с ней? – спросил он напрямик.

– С кем? – вопросом на вопрос ответил проситель.

– С курицей! – не отступал Курт.

– С какой курицей? – пожелал уточнить проситель.

– С твоей! – не сдавался Курт.

– Так у меня их много, – парировал проситель.

– Очень? – ехидно поинтересовался Курт.

– Очень, – с радостной гордостью кивнул проситель. – Я

до столька считать не умею, сколько!

– Так чего ж ты пришел? – терпеливо поинтересовался Курт.

– Да я же говорю – курица у меня, – развел руками проситель.

– И что с ней? – вздохнул Курт.

«Спокойно, парень. Ты на работе.»

– С кем? – терпеливо осведомился проситель.

Мур тихонько повизгивал от смеха. Курта так и подмывало ухватить его покрепче и треснуть им бестолкового просителя между глаз. Курт посмотрел на длинную очередь и сжал зубы.

«Я – добрый Бог.» – подумал он, стараясь дышать глубоко и спокойно. – «Добрый. ОЧЕНЬ добрый. Я не буду разбивать ему череп. Выдавливает глаза. Я не стану перегрызать ему горло. Не вырву кишки. Хотя очень хочется. Очень.»

Добрый Бог глубоко вздохнул и постарался правильно задать вопрос.

– Я спрашиваю, что случилось с той курицей, о которой ты говорил? – медленно и чуть не по слогам произнес он.

– Ах, о той?! – обрадовано воскликнул проситель. – А то я и в толк не возьму. А с той беда просто. Ну никак нестись не хочет. Ведь совсем здоровая. И петух есть – как не быть? Справный петух. Должна, значит, нестись, как же иначе? А она – вот... Остальные все как одна несутся – чистый доход. А эта... Так и ходит пустая – явное разорение! Я бы в суп

ее, нахалку... Да уж больно красива.

– Как тебя найти? – спросил Курт.

– Так я ж тут! – удивился проситель. – Зачем искать?

Посох на коленях Курта вновь задрожал от сдерживаемого хохота.

– Как найти твой дом? – вздохнул Курт.

«Я ОЧЕНЬ добрый Бог!» – напомнил он себе. – «Очень. Везет же черным магам! Им не нужно быть добрыми.»

– Ах, дом! – обрадовался проситель. – А то я и в толк не возьму... А найти просто. Третья Левая улица. Дом Черной Курицы. Отсюда недалеко.

– Хорошо. Я помогу, – проговорил Курт. – Следующий... Просителей было много.

– Мур, ты запоминаешь? – пересохшей глоткой шипел Курт.

– Не беспокойся, не забуду, – отвечивал посох.

Просители сменялись просителями. До самого вечера сменялись.

– Ну и много же людей на белом свете! – устало выдохнул Курт, выслушав и отпустив последнего.

– Много! – согласился Мур. – Кстати, некоторые становились в очередь по несколько раз.

– Да? – постарался удивиться Курт. – А я и не заметил. Но зачем?

– Не знаю. – ответил посох. – Быть может, для собственного удовольствия. Или для твоего.

Курт только рукой махнул. Ему казалось, что хуже его денгерского ремесла и на свете не сыщешь, а вот поди ж ты – Богам еще хлеще того приходится. И притом ведь нищему босяку, кое-как дергающему струны, хоть иногда хоть что-то да подавали за его работу. Мало ли на свете глухих? А вот сегодня он целый день трудился в качестве Бога – и что-то не заметил никакой платы. Считается, что это он должен всем все давать. Бедные Боги! И как они терпят, бедняги? А может, он неправильно себя повел?

В довершение всех бед Курту захотелось есть – да так, что хоть помирай. Еще бы. Он ведь и не ел ничего сегодня... да и вчера тоже. Какое-то несчастное яйцо и бутылка вина. Даже для человека этого маловато. А уж для Бога... кстати – а где там этот жрец? Его похмелье должно было давно пройти. Вот пусть и добудет еды для своего повелителя. Курт поискал глазами. Протрезвевший жрец сидел неподалеку: смотрел на Воплощенного Бога и ждал приказаний.

– Протрезвел? – спросил у него Курт.

Жрец мигнул и вскочил на ноги.

– Хорошо было? – продолжил Курт.

Вместо ответа жрец низко, благодарно поклонился.

– Замечательно, – проговорил Курт. – Рад, что тебе понравилось. А теперь отвечай: у вас что, богов совсем не кормят?

– К-кормят! – испуганно выпалил жрец. – Об-бязательно к-кормят!

– В таком случае – где завтрак, обед и ужин?! – рявкнул

Курт.

Жрец подскочил на месте, крутанулся волчком и бросился прочь.

– Как он только потолок не прошиб? – хихикнул Мур. – Нет, ты определенно делаешь успехи! Еще немного, и из тебя такой боженька получится, что только держись...

– Сам такой! – проворчал Курт. – Никогда не думал, что в мире столько людей... и что все они окажутся психами. Никогда не думал, что мне придется все это выслушать...

– Тебе еще и выполнить все это придется, – ввернул посох.

– Вот-вот. – мрачно кивнул Курт, – Но что меня при этом еще и кормить не будут... по-моему, это подлость! Нет?

– Боюсь, они просто не подумали, – заметил Мур. – «Ваша Божественность не извоили приказать»... что-нибудь в этом роде. Видел, как этот жрец бросился выполнять приказ? А он, между прочим, весь день тут просидел. Глаз с тебя не спускал. Может, он весь день этого приказа ждал? А ты молчишь. Ну, молчишь так молчишь. Молчишь – значит, не извоишь. Ты – Бог. Тебе виднее.

– Если он только попросту не сбежал, – вздохнул Курт. – Тогда я этот алтарь сожру. Вот честное слово, использую служебное положение. Превращу его в булку и съем!

Однако жрец не сбежал. Скрипучая дверь храма вывела сложную музыкальную руладу, и Курт узрел тощий зад жреца. Жрец впятился внутрь храма, развернулся и взгляду Курта предстало то, что окончательно примирило его с мирозда-

нием. Вкусить радостей использования служебного положения в личных целях Курту так и не довелось.

– Мне кажется, я не стану превращать алтарь в булку, – задумчиво сообщил он посоху.

– Пожалуй, – важно согласился тот. – Вряд ли она оказалась бы свежей.

В руках жреца был поднос с едой.

Мясо. Виноград. Сдобный хлеб. Кувшин с вином. Сыр.

– Ты меня спасаешь, – прочувствованно сказал Курт жрецу. – Тащи все это сюда! Ставь на алтарь.

Жрец приблизился и с поклоном водрузил поднос на алтарь. Засим он шагнул назад и еще раз поклонился.

– Ну, вот и славно, – усмехнулся Курт, приступая к еде. – Ты это... ну, в общем, заканчивай кланяться! Иди сюда. Садись вот рядом. Алтарь широкий. Да не таращь ты глаза! Воплощенные Боги, знаешь ли – компанейские ребята. Так что не стесняйся, и если что не так – говори прямо.

Жрец со страхом и благоговением приблизился.

Сесть на алтарь?

Немыслимо!

Ослушаться Бога?!

Нашли дурака! Сами слушайтесь, если такие умные!

Сел.

Бог устроил поудобнее свой говорящий посох, велел угощаться и чувствовать себя как дома. Жрец очень старался. Он сидел, ел и боялся.

Архимаг был недоволен?

Недоволен – это слабо сказано!

Архимаг был в бешенстве. Он пребывал в этом состоянии уже давно. Собственно, после битвы с Зикером он постоянно пребывал в этом огорчительном расположении духа. Вот ведь подлец Зикер – какую власть забрал! Опять на голову сел. И не сковырнешь его оттуда. Потому что другого такого нет. Нет и не предвидится. Эх, если бы удалось тогда с проклятым мальчишкой... Это нечестно, что не удалось. Это неправильно. Должно было получиться. Должно. Ведь это он нашел мальчишку. Раньше всех учуял. Распознал талант. Раньше всех понял. Всех обставил. Даже этого пройдоху Зикера. Почему? Почему не вышло? Должно было выйти. Ведь это он обнаружил сопляка. И купил его. Честь по чести купил. Все, как у людей делается. Тенгере его собственный был. Его. Проклятый мальчишка. Предатель. Он не смел. Не смел делать того, что сделал. Но сделал ведь! Сделал. А старик защитил его. Хитро так защитил. Он это умеет! У него Архимаговы недруги будто в кармане сидят. Чуть только надоел он Архимагу, осерчал тот на него – р-раз! Из кармана достается очередной враг и наглядно так демонстрируется. Смотрите, дескать, все, кому не лень – и ты, господин Архимаг, не проворонь. Вот она, та самая бяка, от которой Орден и Архимага могу избавить только я. Зикер Великолепный. И так всегда. Раз за разом старик одерживает верх. И теперь

снова. И от них не избавиться. Ни от того, ни от другого. За горло держат. «Старший Магистр Тенгере!» Убил бы поганца!

Нельзя.

Нельзя, господин Архимаг. Вдруг из его смерти и твоя выскочит? Мерзавцы. Предатели. Я не хочу, чтоб они были – но я не могу сделать так, чтоб их не было. А тут еще эти Боги! Три Светлых Бога в Черном Ордене. Кошмар. Надо мной уже наверняка смеются. Пока шепотом. Но это пока. Потом хохотать начнут. Вслух. Открыто. А кроме того, есть Оннер. Загадочный неуловимый Оннер. Он есть. Зикер сказал, есть – значит, есть. Он всегда врет, но никогда не ошибается. Подозрительное шевеление в захваченных королевствах убедило Архимага в том, что такое, по крайней мере, возможно. Архимагу очень хотелось что-нибудь стереть с лица Мира. Ну хоть что-нибудь! Однако ничего путного под руку не попалось. Ну в самом деле – не Орден же собственный стирать?

Архимаг парил в пустоте кабинета, медленно леденея от ярости. И ведь даже выказать эту ярость... нет, не выразишь. Нельзя. Зикер теперь его правая рука. А Тенгере высок и недосыгаем, как первородное зло. Для сверстников он и вообще легендарный герой. Надо же – жениться на Светлой Богине! Да еще такой красавице, что перед ней любые гурии всего лишь бледные тени.

Нет, как же все скверно! Тенгере и Зикер – как два бревна в глазу. Поглотить бы их обоих, да и дело с концом. И погло-

тил бы. Толку-то! Так можно взять их силу, их память – но не Дар. Проклятье! Ну почему мерзкий мальчишка успел? Как вышло, что он нашел себе Богиню?! Не должно было выйти. Он похитил у меня свой Дар. Украл. Подлый вор. Обманщик. Он даже в мыслях своих меня обманывал! А теперь... «Старший Магистр Тенгере!»

Надо же!

Завтра он захочет в мое кресло. Придет и скажет: «Убейся!» Это Зикеру ничего не надо. Конечно, если он не врет. А он всегда врет. Хитрит. Выгадывает. Нет, нельзя их пока убивать. Сначала нужно убить Оннер. Потом Джанхар. Потом то самое Пророчество потеряет силу – и тогда... Вот тогда-то я с ними и посчитаюсь. Поглоску обоих. Медленно. Так, чтоб они успели понять, что я с ними делаю. А Светлых Богов я вышвырну обратно в небо. Да. Так. Так все и будет. А пока – молчать. Терпеть. И все время улыбаться. Придет время, Зикер, и я твоей головой разнесу вдребезги твою Башню. А пока получи удовольствие от моей улыбки. Улыбающийся больше похож на дурака. Вот и считай меня дураком... умник! Считай. А там посмотрим.

Архимаг был в ярости. Яростью сочилась его легкая доброжелательная всепрощающая улыбка, заведя которую, мухи, случайно залетевшие в его Башню, дохли на лету, с глухим шорохом падая на пол. Архимаг исходил яростью на свою разведку, неспособную обнаружить проклятый Оннер. «Нынешний центр Оннерского Союза может находиться в

любом месте в пределах его прежней территории», – заявил ему недавно главный маг-аналитик.

Архимаг испепелил его с наслаждением. Однако Оннер от этого не появился, а заместитель этого засранца бежал. Пришлось унять ярость. Так ведь и вовсе без разведки останешься. А вообще Архимаг бы с радостью убил всех кого только можно... так ведь нельзя! Он уже почти собрался самолично отправиться в путь: поискать зловредный Оннер, а заодно присмотреть – нет ли где мага ну хоть с крохотным росточком дарования, сходного с даром Тенгере и годного к поглощению. Архимагу с его силой хватило бы и крупницы такого дара. Заполучить такой дар целиком при живом Зикере он и не надеялся. Только бы его найти. Найти и сожрать. Сразу. Не раздумывая. Тогда Тенгере и Зикер станут не нужны. Или, по крайней мере, станут не до такой степени важны. Архимаг уже почти собрался в путь. Отдать последние распоряжения – и...

В дверь постучали.

– Дозволяю! – раздраженно бросил Архимаг.

«Всегда не вовремя! Всегда!»

Низко кланяясь, вошел начальник Черной Стражи.

– Слушаю, – недовольно буркнул Архимаг. – Что там еще стряслось?

– Прибыл гонец, Ваша Милость, – почтительно ответил начальник Черной Стражи.

– Какой еще гонец? От кого?! – Недовольство Архимага

росло. — Я никого не жду.

— Он не представился. И он отказался назвать имя своего Господина, — поведал начальник Черной Стражи. — Он требует личной встречи с Вами, Ваша Милость.

— Ну так испепелите его, пока я не испепелил вас! — рявкнул Архимаг. — В конце концов, начальник Черной Стражи не такая уж незаменимая фигура!

— Верно, — кивнул тот. — Это Зикер незаменим. И Тенгере. А таких, как я, заменить легко. Однако именно мы верны Вашей Милости, если только это что-нибудь для Вас значит.

— Выходит, в моих фаворитах нет верности? — тяжело спросил Архимаг.

— Нет, — не смигнув, ответил начальник Черной Стражи.

— А в тебе, выходит, есть?! — проревел Архимаг.

— Есть, — спокойно кивнул начальник Черной Стражи. — И я не собираюсь испепелять того, кто принес Вам подарок. Я оказался бы плохим слугой, когда бы стал выполнять приказы, идущие во вред Вашей Милости.

— Какой еще подарок?! — продолжал рычать Архимаг.

— Амулет, — ответил начальник Черной Стражи.

— И на черта мне сдался этот амулет?! — тихо и страшно спросил Архимаг. — Ты почему-то решил, что я никогда их не видел?!

— Я не стал бы беспокоить Вашу Милость из-за обычного амулета. — чуть испуганно, но по-прежнему твердо проговорил начальник Черной Стражи. — Да никто и не посмел бы

предложить Вам такой подарок.

– Ну, и что необычного в этом твоём амулете? – чуть успокоившись спросил Архимаг.

– Огромная сила, – ответил начальник Черной Стражи.

– Которая убьет меня, едва я притронусь к этому «подарочку», – пробурчал Архимаг. – Что ж, благодарю тебя за твою верность, бдительность и так далее.

– Насколько я могу судить, – негромко проговорил начальник Черной Стражи, – посланец не является магом. А тот амулет, что он принес, не похож на орудие убийства. Скорей он имеет защитные свойства. Кроме того, думаю, он может служить источником информации или средством связи. Возможно, что пославший его неизвестный таким образом пытается связаться с вами. Не исключено, что у него нет для этого других средств – и кто знает, какого рода информацией он может располагать. Неразумно отвергать неведомое, даже не попытавшись узнать, не является ли оно полезным.

– Ты еще будешь меня учить, что разумно, а что неразумно, – проворчал Архимаг.

– Я стараюсь честно служить Вашей Милости, – поклонился начальник Черной Стражи.

– Хорошо, – сдался Архимаг. – Я гляну на этого... посланца неизвестно кого.

Одним движением кисти он извлек из воздуха хрустальный шар и затеплил в нем магический огонь. Не каждому магу дано видеть линии реальности. Не каждому дано про-

видеть будущее. Но каждый, даже если он Архимаг, может воспользоваться шаром, чтобы разглядеть хоть что-нибудь – особенно если оно находится не слишком далеко. Для Архимага не составило труда разглядеть посланца Темного Бога. И Архимагу он не понравился. Да и как может понравиться нечто, слепленное из груды мертвой плоти? В Ордене Черных Башен пытали и умерщвляли изящно, тонко, с большим умом и вкусом. Груда неаккуратно изрубленных тел, неведомой силой стиснутая в некое подобие человека, вызвала у Архимага чувство безглагового удивления.

«Что за гадость?» – подумал он. – «Замучили плохо. Сляпали некрасиво.»

– Гоните его в шею вместе с его амулетом! – приказал он. – Пока не назовет имя своего Господина, я его не приму. Все! Идите. Дозволяю.

Происшедшее отвлекло Архимага от идеи немедленно тронуться в путь. А потом навалились дела. Прибыл гонец из Ронского Королевства с богатыми дарами и льстивыми заверениями в верности. Потом доставили последние известия с Джанхарских границ. Потом поступили доклады о действиях магов Осназа. Прибыл разведчик из Аргелла. Потом группа молодых Старших Магистров преподнесла своему Архимагу особо удачный эликсир из драконьей крови. Потом настало время мучить девственниц и жрать крокодилов. А настоящему, уважающему себя Черному Магу никак нельзя пропускать такие вещи. Поэтому Архимаг старательно истя-

зал девственников и жрал крокодилов, не морщась, и даже без соли. Потом...

Потом наступил вечер, и пришел Зикер.

– Слушай, ты чего на тогодохлого беднягу осерчал? – весело спросил он. – Прими его. Жалко ведь. Да и вид он портит. И запах...

– Что запах? – не понял Архимаг.

– Запах, говорю, от него жуткий, – поморщился Зикер. – Бродит вокруг Ордена и воняет.

– Воняет? – удивился Архимаг.

– Ну да, – кивнул Зикер. – Дохлый ведь. Так еще, чего доброго, подумают, что это от нашего Ордена воняет. Одно дело, когда люди считают, что черные маги страшные. И совсем другое, когда все, что они могут о нас думать – это то, как мы жутко воняем. Знаешь, это не та слава, которую мне хотелось бы поддерживать.

– Мне что, самому испепелить его?! – рассердился Архимаг.

– Боюсь даже у тебя это не выйдет, – развел руками Зикер. – Пока у него Амулет... не знаю... такое разве что Богу под силу. И то не каждому. Возьми у него этот дурацкий амулет, он ведь для этого и пришел, чтоб тебе его отдать – а потом испепеляй его, сколько хочешь. Перед тем, как начнешь испепелять, спроси кто его послал, такого вонючего. Такие вещи лучше знать, чем не знать.

– Он не опасен? – поинтересовался Архимаг.

– Для тебя – абсолютно, – зевнул Зикер.

– Ты уверен? – продолжал допытываться Архимаг.

– У него ни малейшего шанса оборвать твою линию жизни, – сказал Зикер. – После встречи с тобой он просуществует недолго. Я знаю это наверняка.

– Смотри, не ошибись, – покачал пальцем Архимаг.

– Делать мне больше нечего – ошибаться, – фыркнул Зикер. – У меня и без того дел хватает.

А ведь ошибся, бедняга. Не для Архимага ошибся – для себя.

– Хорошо, – сказал Архимаг. – Я приму его.

Если бы Зикер знал, какую беду он накликал на себя и своих друзей, он испепелил бы посланца Темного Бога вместе с его Амулетом – и никакая защита тому бы не помогла. Если бы он только знал! Если бы... Увы, он не мог предвидеть того, что случится. Даже ясновидящие зачастую пасуют, когда вмешиваются Темные Боги. Насвистывая, Зикер покинул кабинет Архимага – и думать забыл о случившемся.

Эстен Джальн иногда наблюдал, как поживает его творение. Чувства он при этом испытывал самые разные – от злой радости до ехидной гордости, от ужаса, похожего на холодную вонь, до презрительного омерзения. Ему не нужен был для этого хрустальный шар. Достаточно взять кисть и медленно водить ею по текущей воде. Вот так. Вот так. И видишь все, что захочешь. И чего не хочешь – тоже. Это как повезет.

Ага. Вот и он. Архимаг, твою мать.

И воздух над его головой темнеет в том месте, где растеклись и поблекли те пресловутые иероглифы. Темнеет так, словно пространству подбили глаз.

«А ведь так оно и есть», — подумал Эстен Джальн. — «Архимаг — синяк под глазом Мира. И это я его поставил. Надо же.»

Черные Маги редко раскаиваются в содеянном — и все же...

«Если б я мог вернуться в прошлое, я б его зачеркнул.» — виновато подумал Эстен Джальн. — «А теперь — что я могу? Он куда сильнее меня. Эх, знать бы заранее, что все так выйдет.»

Эстен Джальн видел, как единым мановением руки Архимаг создал себе что-то вроде трона.

«Какая безвкусная вещь!»

Уселся. Принял гордый вид.

«Идиот идиотом!»

Видел, как с поклоном к Архимагу вошло нечто, отдаленно напоминающее человека. Нет, человеком это не было. Это были... части человека. И даже не одного человека. Разных людей. Части, слепленные, скрученные воедино прихотливой и злой волей.

«Чьей?»

Жуткая тварь еще раз поклонилась Архимагу и протянула ему амулет.

– Назови имя твоего Господина, – приказал Архимаг.

– Только должность, – глухо прозвучало откуда-то из глубин твари. – Имени ты недостоин. Пока недостоин.

– Какова наглость! – восхитился Архимаг. – А ведь твой Господин явно ищет моего покровительства. Иначе зачем он стал бы присылать тебя с подарком?

Архимаг кивнул на амулет, который тварь все еще протягивала ему. Кивнул, но не взял.

– Мой Господин не ищет твоего покровительства, – провозгласила тварь. – Он предлагает тебе свое. Возьми амулет Темного Бога.

– Темного Бога? – переспросил Архимаг.

– Проводника Темных Богов, Впередсмотрящего Зла, Спутника Смерти, – возвестила тварь. – Так звучит его должность на языке смертных.

– Замечательно, – кивнул архимаг. – Я польщен. И что может мне предложить столь высокая особа? Что он может мне дать?

– Безопасность, – ответила тварь. – Безопасность и безнаказанность. То, чего тебе больше всего хочется. И чего тебе постоянно не хватает. Он освободит тебя от надоевших ясновидящих. Поможет окончательно стать человеком. Победить в войне. Достичь высших форм магического искусства. Основать Голорскую Империю.

– А что он за это хочет? – с подозрением спросил Архимаг.

Вот уж чем никогда не отличались Темные Боги, так это приступами филантропии. Чтобы получить так много, придется совершить не меньше. А то и больше. И еще вопрос, стоит ли оно того.

– Господин сам скажет, что ему от тебя нужно, – прогундосила тварь. – Возьми амулет. Тогда он сможет говорить с тобой.

– Значит, амулет – средство связи? – спросил Архимаг.

– Не только, – ответила тварь. – Возьми – и увидишь.

Увидишь – о да! Эстен Джальн видел, как рука Архимага протянулась, дрогнула и, наконец, взяла амулет. И тотчас жуткая тварь рассыпалась на то, из чего была составлена. Кабинет Архимага заполнили изрубленные тела – но его это уже не занимало.

Дрожащими руками он сжимал амулет. Он понял, что ему дали. Это...

– Я приветствую пришедшего к Темной Лестнице! – объявил Темный Бог, внезапно появляясь из глубин амулета. То есть появился он, конечно, не весь. Просто амулета не стало, а вместо него на ладонях Архимага теперь лежала голова Темного Бога. Архимаг от неожиданности ее чуть не уронил.

– Готов ли ты совершить первый шаг по Лестнице Темного Знания? – спросила голова.

– Я знаю достаточно, – обиделся Архимаг. – Меня трудно назвать новичком.

– Все, что ты знаешь – пыль перед ступенями Темной

Лестницы. – сказал Темный Бог. – Но, ты пришел к ней по этой пыли. Тебе есть чем гордиться и есть за что уважать себя. Не спорю. Однако пришло время двигаться дальше. Ты готов к первому шагу?

– А что ты потребуешь взамен? – Уж кто-кто, а Архимандрит прекрасно понимал, что за бесплатные пирожки приходится дороже всего платить. Сам такие дарил.

– Ничего, – ответил Темный Бог. – Это подарок. И подарок не последний. Я не говорю о том, что уже сейчас, незаметно для тебя, амулет окружил тебя дополнительной защитой. Так что – никаких расчетов. Я всего лишь хочу просить о небольшой услуге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.